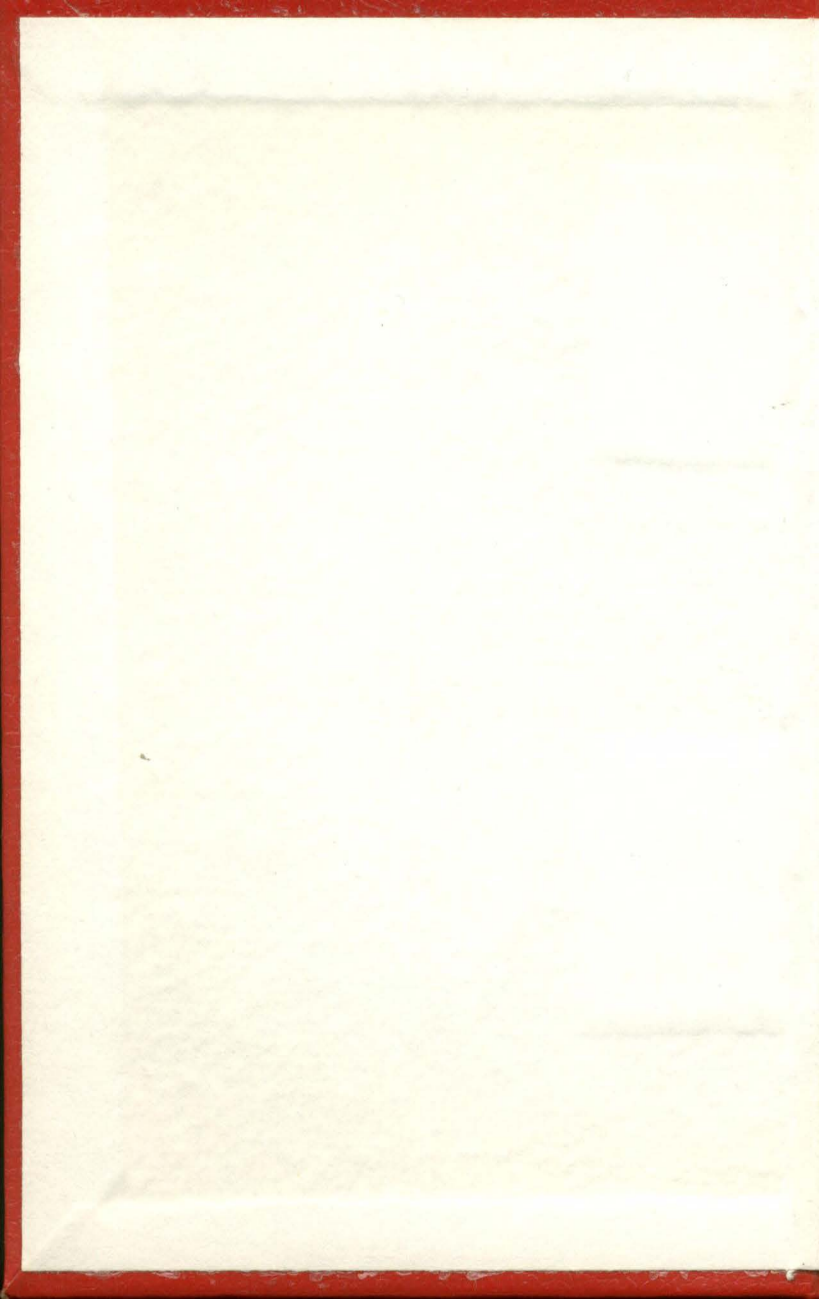

**Александр
Курицын**

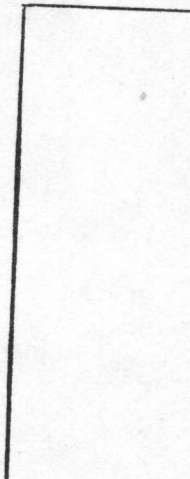
Стихотворения

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кол-ч. пред. выдач.

84.400
2-93

*Моей жене Галине Павловне,
первому читателю, строгому критику
и верному другу посвящается.*

БИБЛИОТЕКА

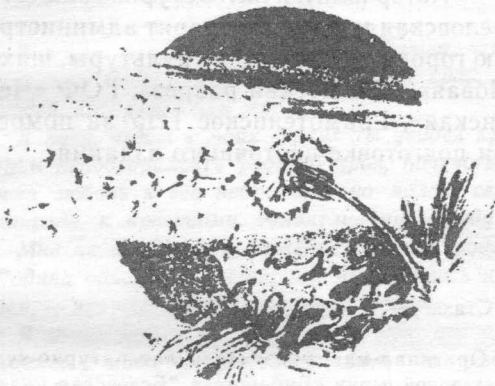

"Беловская муза"

84(2)асб
К-93

Александр Курицын

СТИХОТВОРЕНИЯ

Белово-98

МУ «ЦБС
г. Белово»

57899-35
66875

aw

Автор книги и литературное общество «Беловская муза» благодарят администрацию города Белово, отдел культуры, шахту «Новая», «Бачатский разрез», ГОФ «Чертинская», Грамотеинское ТПУ за помощь при подготовке настоящего издания.

© Стихи: А. И. Курицын.

© Оригинал-макет: издатель литературно-художественной серии «Библиотека "Беловская муза"» В. П. Щелканов.

Моему читателю

Дорогой читатель! Не знаю, молод ты или стар.

Впрочем, это не так и важно. Важно, что ты искренне любишь свою Родину, свой край, дом, людей, которые в нем живут.

Я хочу, чтобы в моих стихах ты увидел красоту и неповторимость родного края, почувствовал мою любовь к его неброской, но милой сердцу природе, к красивому, талантливому народу.

Мне не по душе выражение «малая родина». Родина одна, а то место, где мы родились и живем, — это частица ее, Великой Родины.

Я очень надеюсь, что, читая мои стихи, ты поймешь меня, почувствуешь боль за разоренную Россию, за обездоленный, униженный народ.

Эта боль, обида за державу заставляет меня писать о безобразиях, творящихся в стране.

В детстве я испытал голод, нужду и лишения, но никогда я не испытывал стыда за свою Родину. Сегодня мне стыдно за унижительное положение, в котором Россия оказалась по вине бездарных правителей.

И все-таки я верю, что великий русский народ еще заявит о себе, и мы, дорогой читатель, будем жить в Великой России.

Не по статусу, по существу.

С надеждой на дружбу с тобой

Александр Курицын.

Дух «дышит, где хочет»

Иногда он звонит «из глубины сибирских руд», из своего Белова — обычно посреди ночи, «в третью», когда и на шахте поспокойней и тише во круг — и от недлинного разговора с ним, подземным диспетчером, у меня всегда остается счастливое ощущение простора, высоты, вольной воли. Откуда вся эта благодать в мрачное наше время, когда иной раз кажется, будто и дышать уже нечем и открытыми, радостными глазами посмотреть не на что?..

Тут можно рядить и так и этак, но в итоге все равно выйдет: от Веры наших предков, от высокой памяти о них и том лучшем, что они нам оставили и пуще жизни, пуще «живота своего» завещали беречь.

Знакомство с Александром Курицыным состоялось для меня «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах Родины», о которых как раз и говорил, предупреждая многие наши будущие горести, Иван Сергеевич Тургенев... Сейчас, когда размышляю над строками, что пишу, думаю: «А может, и наши откровенные враги, и тайные недоброжелатели потому-то и начали теперь с разрушения родной речи, с осквернения языка, с попыток развенчивания великой русской литературы, что все это вместе взятое как раз и есть та самая «поддержка и опора», без которых немислима и народная жизнь, и само существование России?..» Хорошо знают, куда ударить, а мы, выходит, не защищены, мы, несмотря ни на что, все продолжаем душу держать открытой чуть ли не нараспашку... Это беда наша, но заодно и великое наше преимущество, ведь открытость в итоге — это и есть наш самый крепкий, наш самый надежный щит.

Дело было несколько лет назад в Новокузнецке. В теркоме — территориальном комитете профсоюза угольщиков концерна «Кузнецкуголь» — я листал шахтерские издания и в малоформатной газетке «На-гора», выходящей в Москве, на первой полосе увидел стихи «Нежданная война» — о Чечне. Справедливость суждений, точность оценок удивляли: это был честный, прямой, что называется, текст. Посмотрел коротенькую справку об авторе: Александр Курицын, шахта «Пионерка», Белово — земляк! Спасибо добрым телефонисткам из концерна: к вечеру они не только разыскали Курицына в его глухом подземелье, но и вывели к телефону, с которого можно было поговорить по межгороду. Горняк сказал, что давно собирается в Новокузнецк — подкупить «железок» для старого своего мотоцикла — и на следующий день мы с ним сидели в номере Новокузнецкой гостиницы.

Росла и росла стопка стихов, которые я хотел взять с собой, чтобы попробовать напечатать в Москве, и мне приходилось и удивляться, и радоваться: свои наблюдения из жизни глубинки Александр Курицын с горечью и с достоинством противопоставлял официальным речам столичных краснобаев, а то, чего они не хотели замечать у себя под носом, в Москве, он четко разглядел из своего сибирского далека.

Вот отрывок одного из стихов: «Дробят шахтовые суставы пожатья банковских когтей. Все реже грузные составы уходят с подъездных путей. В мученьях умирают шахты, съедает ржавчина копры. И смрадом запустенья пахнут околотвольные дворы. Как остывающую лаву затягивает грязный шлак, шахтерскую былую славу забвенья покрывает мрак. Шахтерский труд теперь не в моде. Живут хапуги и рвачи. Шахтеры семьи переводят на безработные харчи. Их жизнь уныла и убога, их труд тяжел как смертный грех. Они ведь дальше всех от Бога — Он ближе к тем, кто выше всех. Но мы на Бога не сердиты. Не страшен шахтам гнев богов. В тисках грабительских кредитов они погибнут от долгов. А с шахтами умрут поселки, и безработицы метла погонит нищих на проселки, отравит души ядом

зла. Погонит, как баранов, скопом на паперть, на панель, в тюрьму... Конец приходит углекопам. Россия катится во тьму.»

Самое, может быть, удивительное, что при всей мрачности отображенного им горняцкого мира Курицын не только не впадает в один из самых тяжких грехов — грех уныния, он свято и неколебимо верит в будущее: «Глупость ли наша или наша беда торит из России след. Дороги уводят только туда — обратной тропинки нет. Бегут, кто к родне, кто с обидой на власть, кого заели долги. Кто-то везет все, что смог украсть, кто — только свои мозги. И визитеров чудовищный штат, снующий туда «по делам», пятится с болью душевной назад, а мыслями все еще там. Кажется, двинулась вся страна эмигрантские визы брать, будто свобода была нужна лишь для того, чтоб удрать. Но те, кто остался здесь вековать, будут до хруста в спине склеивать, сваривать и зашивать дыры в российской мошне. Потом и кровью пропахнут года, но Русь зацветет, как сад... Не прозевайте момент, господа, чтоб повернуть назад!»

Поверьте, что у Александра Курицына есть вполне профессиональные лирические стихи, но меня больше интересовало полное благородного достоинства самосознание. Спросил Александра Ивановича: откуда, мол, эта включенность в общую жизнь России, откуда это ощущение нерасторжимой связи со всею большой Родиной. Курицын пожал плечами: «Разве все это — не само собой?.. Честно говоря, никогда не задумывался. Просто в школе очень любил историю и литературу. Учителя были хорошие и прирастили к чтению — читал запоем».

Как это часто при напряженном размышлении случается, когда ты начинаешь прямо-таки притягивать к себе нужную информацию, именно в это время как бы между делом включил в гостинице телевизор и увидел на экране знакомое лицо. Прибавил звука и услышал сентенции представителя столичной литературной элиты Вячеслава Пьецуха: нынче, мол, со всей очевидностью стало ясно, что русская классика никогда не была учебником нравственности, так ничего своему

народу и не дала, и понятие «литература для народа» — вообще фикция. И писать, и написанное толковать — дело узкого круга интеллигентов...

Ох уж этот «узкий круг»! Ох уж эти «интеллигентность»! Как часто за этой хваленой «интеллигентностью» скрывается всего лишь полное отсутствие даже намек на самобытность: сжал вчера маленько с чужой деляны — нынче уже сеет как свое... Буквально на завтра бравший у меня интервью кемеровский журналист чуть ли не дословно повторил глубокомысленное заявление Пьецуха и с микрофоном подступил — как с ножом к горлу: надеюсь, мол, вы согласны?.. И мне даже не захотелось рассказывать, как в издательство, в котором мне когда-то довелось работать, хлопотать за Пьецуха приходил бывший его школьный учитель истории, известный впоследствии литературовед и философ Натан Яковлевич Эйдельман... Что сам Вячеслав тоже начинал преподавателем истории в школе.

Странная происходит штука: вместо того, чтобы осознать собственное бесплодие — и профессиональное, и последовавшее за ним творческое — нас пытаются убедить в несостоятельности русской классики, в бедности нашего нравственного наследия, в немощи духа. А ведь на самом-то деле все это является сегодня таким же фактором выживания, как экономика и политика, более того — составляет его первооснову — мощную, слава Богу. Доселе никем неодолимую. Полноценная жизнь вне нравственных координат, оставленных великими предками, невозможна, и во время всеобщей смуты это осознается особенно остро. Потому-то, наверное, и происходит невольная поляризация: одни именно нынче взбираются на пик собственного «я», а другие и в самом деле начинают ощущать себя всего лишь частью целого. Зато — **целого народа.**

Шахтерского поэта судьба не баловала. Попросил его написать коротенькую биографическую справку, и от нехитрых фраз, когда взялся их вечером читать, пахнуло вдруг почти былинной силой: «Родился в 1939 году в Степном Алтае в семье крестьянина Курицына Ивана Андреевича. В 1942 году, защищая Ленинград, отец погиб,

мать, Татьяна Степановна, осталась вдовой, имея на руках семерых детей. Всех вырастила одна и в 1990 году умерла». В Таштаголе, уже в Горной Шории, он закончил горнопромышленную школу и с 1958 года работал на «Пионерке» проходчиком. Одолевал вечернюю школу, потом — техникум. Был горным мастером, начальником участка. Потом случился небольшой перерыв: в 1981 году прооперировали сердце — протезировали клапан — перенес то самое шунтирование. В 1982 году вернулся на шахту начальником техкомплекса, отработал еще восемь лет, получил пенсию по возрасту и с 1990 года пришел работать горным диспетчером. «Супруга Галина Павловна тоже работала на шахте. Сейчас она на пенсии. У нас с ней трое детей и трое внуков.»

От многих ли биографий широко известных людей веет таким спокойным достоинством? Кто из нас не забывает по имени-отчеству назвать давших жизнь отца с матерью, кто величает собственную жену: ведь это у нас преимущество «первых леди».

Сперва Александра Ивановича Курицына подержала «Роман-газета», которая недаром, пожалуй, называется: народный журнал. И с какой радостью рассматривал я потом сборник «Думы о России», который вдруг пришел из Кузбасса, несмотря на все наши горькие беды, книжку помог издать тогдашний генеральный директор ОАО «Беловоуголь» Анатолий Андреевич Старожилов. И впрямь: как в притворе восстановленного храма Христа Спасителя на стенах выбиты названия крупных банков, ведущих корпораций либо богатых жертвователей, так надо бы нам иметь повсюду благодарные синодики из фамилий этих мало кому известных подвижников, изыскивающих нынче средства на поддержание народного духа в провинции — тем более, что им приходится резать по живому, часто отдавать и в самом деле чуть не последнее.

Несмотря на то, что пришлось отложить срочные дела, мне радостно писать это предисловие к новой поэтической книге Александра Ивановича, потому что радостно сознавать: мои земляки-сибиряки хорошо понимают, что не хлебом еди-

ным жив человек, нет — доброе и правдивое слово, случается, бывает нужней. Посмотрите на всю эту нынешнюю суету новых столичных господ и всех тех, кто их за большие деньги так или иначе ублажает: несмотря на все приметы технического прогресса вокруг них жизнь их и их «деятельность» подчинены единственному — служению собственному брюху. А где-то вдалеке от сверкания ложных огней и звуков чужой музыки, над измученными полуживыми рабочими городами и поселками пробивается тихий свет неугасимого творчества, которое и есть тот самый Дух, который «дышит, где хочет». Не там, где господа пожелают — где поддержать страдающих решит Он — Сам.

Одна маленькая деталь, которая будет приятна землякам Александра Курицына, его почитателям. Два года назад журнал «Наш современник» готовил большую подборку стихов. Но потом умер заведующий отделом поэзии Геннадий Космынин, светлая ему память, какое-то время поэтическое хозяйство журнала оставалось без присмотра, а после в редакцию пришла «новая метла»: Юрий Кузнецов. Общеизвестно, что это один из самых талантливых и самобытных нынешних поэтов. Но я о другом: о том, что никакой торг с ним невозможен, никакие уговоры на Кузнецова не действуют, никакие авторитеты ни почем — знаю, как давний его товарищ и земляк по другим краям, по кубанским. И если посмотрите на подготовленный им в специальном, посвященном Кузбассу, выпуске «Нашего современника» раздел «Кемеровская поэзия», то с удовольствием увидите, насколько полнее многих давно признанных профессиональных сибирских поэтов представлен шахтер Александр Курицын.

Закончить эту маленькую статью мне хочется одним из недавних писем Александра Ивановича: «Что сказать о жизни в Кузбассе? Трудно живем. За два года работы зарплату в общей сложности получил только за один. Но дело ведь не во мне. Очень тяжелое положение сложилось на угольных предприятиях. Нет денег, а потому нет оборудования, нет даже спецодежды шахтерам. Нарезанные очистные забои по несколько месяцев

стоят без техники. Не хватает секций крепи, нет гидравлики, нет полотна для ленточных конвейеров. Собирают всякое старье по кусочкам. Чего же ждать от такого комплекса?.. Чего угодно, только не угля.

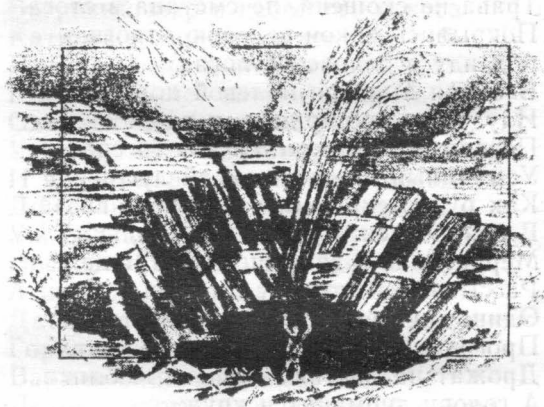
Коллективы деморализованы, люди ходят в шахту, повинувшись инстинкту, выработавшемуся за долгие годы предыдущего труда. Ходят, несмотря ни на что. От безнадеги слабые спиваются, а те, кто покрепче, матерятся и терпят. И все-таки еще теплится слабая надежда, что правительство, наконец, образумится и не загубит окончательно шахты и шахтеров. Надеемся, что Бог не выдаст, Чубайс не съест».

К этому письму Александра Курицына приложен новый на то время стих: «У нас тяжелый труд и рабский быт. Нас унижают словно мы — рабы. Да, мы — рабы, но Божьи, господа. А вашими не станем никогда!»

Этим бы стихам да большой тираж, да громкое звучание по радио да с экрана телевизора — вместо высокопарной зауми обслуживающей власть поэтической столичной «элиты».

Гарий Немченко

Белоснежные горы

**Я пришел в этот мир
не случайно**

Беловские лога

Трава не скошена, не сметана в стога.
Покрылись яркой зеленью отроги,
А я иду в беловские лога,
Взбивая пыль по полевой дороге.
Иду через кустарники, и вдруг
Передо мной открылся как-то сразу
Усыпанный цветами дикий луг,
Как будто скрытый от дурного глаза.
В низине меж кустов, как угольки,
Мерцающие в гаснущем кострище,
Рассыпались по лугу огоньки,
Один, другой, десятки, сотни, тыщи...
Прогретый зноем горизонт дрожит,
Дрожат на листьях солнечные блики,
А голову дурманит и кружит
Пьянящий аромат лесной гвоздики.
Цветной метелью выются мотыльки,
Пчелиная семья гудит над лугом.
За дальними кустами мужики
Неспешно ковыряют землю плугом.
А в небесах такая синева!
Весь мир купается в бездонной сини.
И пахнет у дорог полынь-трава
Привычным горьким запахом России.

Закат

Багровый шар с небесного откоса
Катился к горизонту все быстрее.
Пучками сена вытирая косы,
Шли на ночлег ватаги косарей.
Сдирали просоленные рубахи,
Усталые тела ополоснуть,
И в сено навзничь падали с размаха
До ужина чуть-чуть передохнуть.
Уж солнце скрылось за густой осинник,
Последний лучик угольком истлел,
А небо наливалось темной синью,
Да сказочным огнем закат горел.
Горел костер в лощине у дубравы,
Варили бабы мужикам кулеш.
Дедок в кругу мальчишеской оравы
Смешил ребят, почесывая плешь.
Поспел кулеш. Поели. Похвалили.
Дедок мальчикам скомандовал: «Ложись!»
А мужики сигарки засмолили
И перед сном судачили про жисть.
Подкралась ночь и темною завесой
Смела последний лоскуток зари.
Уснули косари, а в чаще леса
Проснулись лешаки и упыри.
Взошла луна и поплыла по кругу,
Расталкивая звезды головой,
Туман разлился молоком по лугу,
И пряно пахло скошенной травой.

Меж ними молнии блистали,
Взрезая тучам животы
Стремительным ударом шпаги.
Но вот с небесной высоты
Обрушились потоки влаги.
На иссушенные поля
Пролился ливень благодатный,
А ветер, всласть повеселясь,
Погнал все стадо в путь обратный.

5С-66875

МУ «ЦБС
г. Белово»

Мечта живет

Казалась жизнь дорогой без конца,
Стелилась под ноги, манила за собою,
Крылом мечты махнула у лица
И повела, навек лишив покоя.

Я вышел в путь, покинув отчий дом,
Одну лишь совесть получив в наследство,
И поезд, отсалютовав гудком,
Унес меня из дома и из детства.

Багаж на первый взгляд и небольшой,
Но я хранил его, не крал, не хапал,
И, кажется, не очерствел душой,
Хоть и стучит в груди железный клапан.

Я плоть от плоти русский человек.
Я Русь люблю, хочу ее расцвета,
В дыму, в крови уходит этот век,
Но за чертою снова нет просвета.

И нет ответа на вопрос: «Когда
Жизнь улыбнется нашему народу
И счастьем человеческим воздаст
За нищие безрадостные годы?»

Никто не даст ответа, а пока
Она юлит, как будто извиняясь,
Что не дала подняться в облака,
Так и ползет, нисколько не меняясь,

Не стелется бетонной полосой,
Бьет на ухабах и глядит недобро,
А роковая бабушка с косой
Каленой сталью целит мне под ребра.

А в сердце все-таки живет мечта,
Не хочет примириться с сединою,
И грезятся простор и высота,
И ласковое солнце над страную.

Родник

Кристалльной чистоты родник —
Источник влаги благородной.
Как символ мудрости народной
Он в сердце каждое проник.

Он чист, как детская слеза.
Он наделен великой силой,
Но добрый, ласковый и милый,
Как материнские глаза.

Души российской простота —
Он милой Родины примета.
Он — вдохновение поэта
И дел, и мыслей высота.

Русская печь

Не ради красного словечка,
Не новым веяньям в укор
Хочу о старой русской печке
Вести серьезный разговор.
Мне вспоминается землянка,
Зима, натопленная печь.
Ее просторная лежанка
Зовет понежиться прилечь.
Но мы снуем нетерпеливо
Вокруг дощатого стола,
А мать меж тем неторопливо
С чела заслонку убрала.
И из печи на нас пахнуло
Томленным ароматом щей,
Так аппетитно потянуло
Ржаной кислинкой калачей.
Убрав с шестка горшки ухватом,
Мать топку чисто подмела
И на горячий под лопатой
Хлеб осторожно подала.
Пусть ты, хлебопек искусный,
Печешь ватрушки, калачи...
Но хлеб российский самый вкусный,
Он в русской испечен печи.
Нет в мире лучше нашей печи.
Без печки мужику беда.
Она накормит и подлечит,
Да и попарит хоть куда.

Весь генофонд великороссов,
И мудрецы и силачи,
И сам Великий Ломоносов
На русской выращен печи.
Устанешь, кинь на печь дерюжку
И спи спокойно, от души,
Но только, ради Бога, выюшку
Закрывать до срока не спеши.

* * *

Стонет выпь на болотах
В полуночной тиши,
И луна позолотой
Облила камыши,
Золоченая тропка
По воде пролегла.
Над трясиною топкой
Ночь к рассвету пошла.

Манок

Ти-и, ти-и, та-та-та-ти-и,
Словно морзянка в лесу.
Хлопая крыльями, рябчик летит
С лета садится на сук.
Рябеньким тельцем сливаясь с сучком,
Быстрые крылья сложив,
Ищет внимательным острым глазком,
Откуда донесся призыв.
Снова раздался волнующий звук,
И, повинуюсь ему,
Рябчик, оставив спасительный сук,
Прянул в лесную тьму.
Свист раздается все ближе, слышней,
Тянет к себе, как магнит.
Это подружка зовет, и к ней
Он все равно долетит.
Выстрел негромкий, сухой, как щелчок,
Метко ударил влет.
Словно поблизости хрустнул сучок...
И оборвался полет.
Ловкий охотник в мешок опустил
Трепещущий пестрый комок.
Хмыкнул довольный, ружье зарядил
И засвистел в манок.
И зазвенело в весеннем лесу
Ти-и, ти-и, та-та-та-ти-и
И, повинуюсь призыву, на суд
Новая жертва летит.

Опять зима

Опять зима. Пушистый белый снег
На пол-Земли накинул покрывало.
Все спит, и время, замедляя бег,
По снежной целине бредет устало.

Опять зима. Метели, холода.
Опять мороз крепчает на рассвете.
Ушла под лед студеная вода,
Чтоб сон не нарушал холодный ветер.

Опять зима. Унылая пора.
Просветы дней становятся короче.
Скучны, однообразны вечера
И бесконечны, непроглядны ночи.

Опять зима. Бескормицы сезон,
И за околицею вой голодной стаи.
Мужик, дослав в ружейный ствол
патрон,
Опасливо глядит сквозь щели ставен.

Опять зима. На снеговых листах.
Строчит зверье сказанья и былины,
И рдеют на заснеженных кустах
Рубиновые ягоды калины.

Рассвет

Нехотя летняя ночь отступает,
Рыба лениво плеснулась в реке.
Утренний ветер вздохнул, просыпаясь,
Расшевелил огонек в костерке.
Брызнул росой за распахнутый ворот,
Иве плакучей пригладил косу,
Веток черемухи спутанный ворох
Разворошил и укрылся в лесу.
Пар закурился над сказочным плесом,
На травянистых речных берегах.
Из полутьмы по росистым покосам
Вышел журавль на ходульных ногах.
С речки повеяло легкой прохладой.
Нежным румянцем зарделся Восток.
В ближней деревне петух за оградой
Прокукарекал, взлетев на шесток.
И распахнулась ночная завеса.
Вдруг озарилась небес бирюза.
Красное солнышко встало над лесом
И, улыбнувшись, открыло глаза.

Примета

Крылом цепляя россыпь звезд,
Волшебных трав хмельную брагу
Гуляка-ветер преподнес
В пригоршне древнему Мустагу.
Лесной целительный настой
Согрел седого великана
И, словно дымкою густой,
Укрыл завесою тумана.
А шорец, вставший до зари,
Взглянув, досадливо побрякал:
«Однако, закурил старик,
Надолго дождь польет, однако.
Теперь с неделю не попасть
В тайгу». И, почесав затылок,
С досады завалился спать,
Пока подушка не остыла.

Осенние хлопоты

Ранняя осень — девица-краса
Красит багрянцем лесную холстину,
Бросила солнечным утром роса
Брызги алмазные на паутину.

Зимние шубы готовит зверье.
Как скоротечны деньки трудовые!
Надо к зиме подготовить жильё
И провиантом набить кладовые.

Люди, меньшим своим братьям под стать,
Рыщут с кошелками и рюкзаками,
Чтоб (не дай Боже) от них не отстать,
Ягодкой впрок заpastись и грибами.

Чтобы, усевшись за стол вечерком,
Зимней порою, студеной и длинной,
Душу потешить брусничным чайком
И заедать пирожками с калиной.

Они родня

На необозримой территории
Раскинулся таежный, горный край —
Богатая, загадочная Шория —
Медвежий угол, а для шорца — рай.
Ему тайга и дом, и кладовая.
Им друг без друга не прожить и дня.
Он с ней на равных, ведь она живая,
Они близки с тайгой, они родня.
Она его накормит и напоит,
Согреет в стужу и укроет в зной,
Окурит трав целительным настоем
И сладким соком угостит весной.
Он добывает и зверье и птицу,
Он собирает мед и шишки бьет,
Но он берет лишь малую частицу,
Лишь то, что от щедрот тайга дает.
Приземист шорец, ловок, как летяга,
Не впечатляет шириною плеч,
Но в щуплом теле львиная отвага,
А нож в его руках страшней, чем меч.
С одним ножом он выйдет на медведя,
От страха перед ним не задрожит,
А примет бой, уверенный в победе,
Умрет иль победит, но не сбежит.

Конец лета

Еще не осень, но уже не лето...
Все чаще льют холодные дожди.
Еще природа зеленью одета,
Но летнего тепла уже не жди.

Наверное, лимит на сушу вышел.
Промокло все. На улице ручьи.
Под каждой мало-мальски целой
крышей,
Нахохлившись, толкутся воробьи.

У каждого куста грибник с лукошком.
Народ готовит на зиму харчи.
А по ночам за свежую картошкой
Охотятся похмельные бичи.

Утятники, открыв сезон охоты,
Пальбой встречают первую зарю.
Зеленый август, завершив работу,
Сдаст дела шатену сентябрю.

И, радуясь грядущему покою,
Он, словно корм жирующим грачам,
Из чаши неба щедрою рукою
Разбрасывает звезды по ночам.

Табун

В блеске зари побледнела луна.
Ветер с реки набежал.
Шумно встряхнулся вожак табуна,
Громко, призывно заржал.
Дрогнул табун и литым косяком,
Ржаньем встречая рассвет,
Дружно рванулся за вожакom
В степь по росистой траве.
Мечутся стайки испуганных птиц
В страхе за малых птенцов,
Видя стремительный бег кобылиц,
Мощный галоп жеребцов.
Не задержать этот бег никому.
Он, словно горный поток,
Слеп он, как демон пустыни самум,
Неотвратим и жесток.
Стелется под ноги тонкий ковыль,
И из-под тысяч копыт
Тучей вздымается черная пыль,
К синему небу летит.
Дикая воля, бескрайний простор.
Ни седоков, ни возниц.
Жизнь без удил и без жалящих шпор.
Дикая степь без границ.
С храпом и ржаньем умчался табун,
Будто пронесся пожар.
Так проносились когда-то и гуны,
И печенег, и хазар.

В кедраче

Сухой пологий косогор,
Заросший кедрачом.
Ручей струится с дальних гор,
Тропинка над ключом.
Прозрачный воздух свеж и сух,
Прохладою манит.
Ореховый смолистый дух
И дразнит и пьянит.
Иду по хвойному ковру.
Над лесом день встает.
Как странно: тишина вокруг,
Но все вокруг поет.
Прекраснейшую из сонат
Поет кедровый лес,
И каждый кедр, как струна
От суши до небес.
А где-то в жуткой вышине
Навис гигантский зонт
Недвижных, как в глубоком сне,
Светло-зеленых крон.
И удивительно: кедрач
Не давит, не гнетет,
А исцеляет, словно врач,
И силы придает.
И я брожу среди стволов,
Касаясь их рукой,
И впитываю их тепло.
В моей душе покой.

Волшебная ночь Тополь

Он скромен и неприхотлив,
И чужд чрезмерных притязаний,
И к пересадкам терпелив,
И к процедуре обрезаний.
Он много сил не отберет.
Воткнули кол — и все затраты,
А пыль как дворник соберет,
Причем, не требуя зарплаты.
К его стволу в ненастье льнут,
В зной укрываются под сенью,
Но в голос все его клянут
В период буйного цветенья,
Когда средь лета в сушь и зной,
Вдруг, словно в декабре, завьюжит,
Над разомлевшею страной
Метель пуховая закружит.
Что ж, так бывает у людей:
Имей хоть тысячу достоинств,
Одни прокол — и ты злодей,
Клейма навечно удостоен.

Вечность

Через года, через века
Неторопливым, мерным током
Течет могучая река,
Река без устья и истока.
Течет, вбирая по пути
Ручьи, речушки, речки, реки...
Не переплыть, не перейти
Ее отныне и вовеки.
Мы только миг по ней плывем,
Миг от рождения до смерти,
И наше плаванье прервем
На рубеже, где нам отчертит
Господь последнюю черту
Перстом решительно и строго.
Мы погрузимся в темноту,
Достигнув этого порога.
Но снова явимся на свет,
Как лучик, преломленный в призме,
И, может быть, оставим след
В иной нам неизвестной жизни
И вновь уйдем...
А сквозь века,
Сквозь будущее, в бесконечность
Все так же будет течь река
С таинственным названьем
«ВЕЧНОСТЬ».

Волшебная зимняя ночь

Повеяло запахом хлеба ржаного
От старых крестьянских домов.
На черном полотнище неба ночного
Белесые змейки дымов.

Змейки колеблются в призрачном свете,
Тянутся к небу, в зенит.
Значит, к утру по народной примете
Крепкий мороз зазвенит.

Над полем, над дальней лесною
опушкой,
Розовая после сна,
Округлым бочком опершись
на верхушки,
Взбирается в небо луна.

И вдруг, оттолкнувшись от елок,
взлетела,
Взглянула на мир с вышины,
И поле литым серебром заблестело,
Облитое светом луны.

Все стихло пред чарами лунной сонаты,
Отчаявшись сон превозмочь.
Окутала поле и елки, и хаты
Волшебная зимняя ночь.

Домой

Зимний вечер. Ярко светит
В небе полная луна.
Спит усталый за день ветер.
В чистом поле тишина.
Степь скатеркою льняною
Серебрится под луной.
По степи в село родное
Мужичок спешит хмельной.
Он купил семье подарки:
Жинке — шаль, мальчикам — пшмы,
Выпил чарку у шинкарки,
Причастился у кумы
Черпачком наливки сладкой.
Посудачили с кумой,
И каурая лошадка
Резво двинулась домой.
Хорошо бежит кобылка.
Мужичок глядит во тьму
И с лукавою ухмылкой
Вспоминает про куму.
Развалясь на мягком сене,
Отряхнув от куржака
Бороды лохматый веник,
Он запел про Ермака.
Катят сани. С легким треском
Бьют копыта в передки.
Наконец за перелеском
Показались огоньки.
Вот и сонные ракиты

Над заснеженным прудом,
А за ним, снежком покрытый,
Ждет его родимый дом.
У икон мерцают свечки.
Ждет хозяйка мужика,
И несется из-за печки
Удалая трель сверчка.

Тишина

Деревья стоят по колено в снегу,
Недвижные, словно во сне.
Лишь лыжи легонько скрипят на бегу
В пушистой лесной тишине.

Под белой папахой косматая ель
Качнула седую копной,
Когда прострочил барабанную трель
Старательный лекарь лесной.

Веселыми брызгами алой зари,
Упавшими утром с небес,
Алеют на белом снегу снегири,
И сказочным кажется лес.

В просветах мерцают рубины рябин,
Оправленные в серебро...
Навис над безмолвием кедр-исполин,
Могучий былинный герой.

Я замер в восторге, почти не дыша, —
Над лесом звенит тишина...
О Господи, как же она хороша
Родная моя сторона!

Русь не кончается с нами

Если люди не строят,
Птицы гнезда не вьют,
Значит, нету покоя
В родимом краю.
Будто тихо в долинах,
Но приложишь ладонь,
Слышно где-то в глубинах
Бушует огонь.

Где-то синее море,
В море белый корабль,
А над Родиной спорят
Дожди и ветра.
Ветер машет крылами,
Раздувая пожар,
Но дожди гасят пламя.
Только стелется пар.

Когда ветер отсвищет,
Ливень пламя зальет,
Над родным пепелищем
Закружит воронье.
Но сквозь пепел упрямо
Прорастает трава...
Русь не кончится с нами,
Будет вечно жива.

Дуэль

Пальцы небрежно коснулись щеки,
Но заглушили сумятицу бала.
Белою птицей сорвавшись с руки,
Вестником смерти перчатка упала.

И развела их по двум берегам.
Мост подожжен. Догорит на рассвете.
Мир так велик, но отныне врагам
Тесно вдвоем на огромной планете.

Белое поле. Погост на бугре.
Двадцать шагов от зари до заката.
Вздросгнула дважды земля на заре.
Эхо плеснулось вороньим набатом.

Чаша вражды расплескалась до дна.
Кровь на пушистом снегу заалела,
Словно пролитые кем-то спьяна,
Винные капли на скатерти белой.

В русской бане

Меня втолкнули в склеп со жгучим паром
И голого швырнули на скамью...
Печь опалила нестерпимым жаром.
Упало сердце. Все, сейчас убьют.
Два дюжих молодца стояли рядом.
Хотел сопротивление оказать,
Но оробел под их суровым взглядом.
И, покорясь судьбе, закрыл глаза.
Дальнейшие события в тумане.
Не то огнем хлестали по спине,
Не то играли, как на барабане.
Все тело полыхало, как в огне.
Не помню, сколько времени хлестали.
Казалось, мой последний час пришел.
Но вот мои мучители устали,
И я свалился на прохладный пол.
По простоте решил, что отпустили,
Но молодцы спокойно подошли,
Под белы ручки нежно подхватили
И с хохотом на речку понесли.
В дымящуюся прорубь окунули,
Пробив ледок горячей головой,
Как будто в кипяток меня толкнули.
Я выскочил, издав звериный вой.
Но, черт возьми! Откуда легкость в теле,
А кровь по жилам, как девятый вал,
И столько сил, что хватит на неделю:
Все просто — в русской бане побывал.

Дыхание зимы

На шалой тройке прикатила осень.
Поблекла и остыла неба синь.
И вспыхнули вершины пихт и сосен
В темно-багровом пламени осин.

А солнце, что вчера теплом и лаской
Заставило снять все краски дня,
Встает сегодня нехотя, с опаской
И равнодушно смотрит на меня.

Взгляд давит на опущенные плечи
Постылым грузом нищенской сумы,
А из-за горизонта мне навстречу
Уже пахнуло холодом зимы.

Развеянные грезы

Первая пороша землю побелила,
Серебром покрыла жухлую траву.
А на белом поле стайкою унылой
Черные деревья грезят наяву.

Чудится им полдень, напоенный зноем,
Марево над полем, зелень на лугах,
Дремлющее стадо возле водопоя,
Сонная речушка в топких берегах.

И такую явью показались грезы,
Что зашелестела на ветвях листва,
Отступили прочь грядущие морозы,
Вновь зазеленела жухлая трава.

Только вдруг зловеще за клубились тучи
Над рекой, над полем и над целиной.
От морей студеных налетел могучий,
Злобный и сварливый ветер ледяной.

Разметал, развеял радужные грезы,
Закружил снежинок бесконечный сонм.
Вздригнули деревья и, от стужи ежась,
Тихо погрузились в долгий зимний сон.

Пасхальный перезвон

Играет солнце в небесах
Под крышами капель.
На белокрылых парусах
Летит, спешит апрель.

С утра у жителей села
Одна дорога — в храм,
А над селом — колокола —
Веселый тарарам.

Вовсю старается звонарь,
Шапчонка набекрень.
— Давай, родной, звончее вдарь!
Такой сегодня день.

И вдарил звонко и легко,
Он радовался сам,
Что звук несется широко,
Восходит к небесам.

Звенят, поют колокола,
Их песня так чиста
И так легка, что донеслась
До самого Христа.

Пасхальный звон звучит окрест,
Летит за дальний лес:
— Христос воскрес! Христос воскрес!
— Во-ис-ти-ну вос-крес!

Шиповник

(По мотивам казачьей легенды)

Там, где струится Дон-река,
(Не помню уж когда и было)
В одной станице казака
Казачка юная любила.
Такая в них любовь жила,
Что не было на свете силы,
Чтобы поссорить их могла,
Хотя бы на краю могилы.
Но, как бывает у людей,
Беда и счастье ходят рядом.
А за влюбленными злодей
Давно следил ревнивым взглядом.
Злодей — станичный атаман,
Привыкший к козням и разбою,
Как басурманский ятаган,
Навис над девичьей судьбою.
Послав обманом казака
В какое-то глухое место,
Он, как змея, исподтишка
Силки расставил на невесту.
Спасая жизнь свою и честь
От посягательства и злобы,
Казачка убежала в лес,
В непроходимые чащобы.
Спаси меня, мой добрый друг,
Укрой завесой из тумана,
Но все тесней сжимался круг,
Все ближе слуги атамана.

Лес не сумел ее спасти.
Пути отрезал подлый враг,
И от бесчестья не уйти.
Казачка вышла на пригорок,
И громким криком позвала
Своих мучителей из чаши.
Стояла гордо и ждала
Врагов, от ярости рычащих.
А голос рвался и дрожал.
Не допусти бесчестья, Боже!
И вдруг увидела кинжал,
Торчащий из казачьих ножен.
Она увидела закат,
Родную хату над рекою...
И в сердце девичье булат
Вонзила собственной рукою.
И струйки крови потекли
И вскоре проросли кустами.
Кусты весною зацвели
Большими нежными цветами.
Они купаются в цвету,
А чтобы гибель не настигла,
Оберегают красоту
Шипы, колючие, как иглы.
Погибла девица-краса,
Нашел гибель и виновник.
А с той поры цветет в лесах
Колючий розовый шиповник.

Расскажи мне, гармошка...

Расскажи мне, гармошка тульская,
(А приврешь, я пойму — не со зла)
Про широкую душу русскую,
Про гулянку на пол-села.
Про застолія деревенские
С переполненной избой,
Про забавушки молодецкие,
Про удалый кулачный бой,
Про рубахи, штаны пропитые,
Опороженные логушки,
Да про скулы, носы разбитые,
Да про шишки и синяки.
Эх, гармошечка, наяривай, душечка,
И Семеновну, и Ермака,
Разухабистые частушечки
Про камаринского мужика.
Ты напомни мне, голосистая,
Как, забыв про хмельной угар,
На рассвете в луга росистые
Шли работать и мал и стар.
Оселками литовки правили,
Старики начинали прокос...
Как сгребали, зароды ставили,
Торопясь завершить сенокос.
Как меняли рубахи соевшие,
Наддавали — трещали хребты,
А к закату валились сомлевшие
На душистого сена пласты.

Ты поведай, подруга заветная,
(Для душевности даже приври)
Про гуляния дорассветные,
Про свидания до зари,
Да про свадьбу хмельную, нарядную,
Да на троечках по лугам,
Да с тобою, певуньей двухрядною,
Да под песни, под шум и гам.
Растяни же меха цветистые,
Силу звонкую в планки излей,
И народною песней чистою
Душу русскую обогрей.

Веселый Роджер

Пусть ветром в ключья нам грот порвало,
Пускай волною накрыло бак,
Зато на мачте заполоскало
Веселый Роджер — пиратский флаг.

Мы вышли в море не для забавы
И за собою сожгли мосты.
В жестоких битвах мы ищем славы
И с ветром спорим до хрипоты.

На корм акулам идем мы часто,
И в решето нас картечь сечет.
Зато в кармане звенят пиастры
И ром ямайский рекой течет.

Для нас не строят дворцы и храмы,
О нас молитву не сотворят,
Нас украшают рубцы и шрамы.
Морскому братству сам черт не брат.

В воронку буря нас не заманит,
И не страшны нам ни шторм, ни враг,
Пока на мачте гремит костями
Веселый Роджер — пиратский флаг.

Гармошка

Тонкой лентою дорожка
Обвилась вокруг села,
За околицу гармошка
На закате позвала.
Красно солнышко упало
Где-то в рощу за рекой.
За день бедное устало,
Укатилось на покой.
Вот и лунная дорожка
На речную гладь легла,
А печальная гармошка
Все рыдала и ждала.
Улетела песня звонко
На далекий край села,
Где красавица девчонка
В хатке беленькой жила.
Ей гармонь поет страданья,
Душу трогая до слез.
Ждет девчонку на свиданье
Гармонист у двух берез.
Вдруг калитка закрипела,
Застучали каблучки,
И по-новому запела
Та гармошка у реки.
Зазвенела шаловливо
Чистым звоном серебра,
А потом, вздохнув счастливо,
Замолчала до утра.

Кое-что о собачьей жизни

Давай поговорим с тобою, Рик...
Все говорят, что ваша жизнь собачья.
А ты прикинь, задумайся, старик,
Окажется, что в жизни все иначе.
Ты знаешь, я ведь за полночь не сплю,
Как ты все утро в кресле не валяюсь,
Сам не поел, тебя уже кормлю
И битый час потом с тобой гуляю.
Теперь прикинь, дружок, как я живу.
Уж скоро будет год, как без зарплаты.
Порой грошовый гонорар сорву,
А так доходов нет, одни затраты.
А на ВЕРХУ еще полно ребят,
Седых и лысых, черных, белых, рыжих...
Всю жизнь кормлю их (лучше, чем тебя),
Хоть до тебя, старик, куда им с грыжей?
Все лето честно ты стерег мой сад,
Лишения терпел и днем и ночью,
А эти даром хлебушек едят,
И аппетит у них не твой, а волчий.
И то сказать, скучают мужики
(В России-то какие развлечения?)
Вот и войну затеяли с тоски,
А нас погнали погибать в сраженьях.
Все рушится, как замки на песке,
Хозяйство, армия, да и сама Россия.
А им-то что? Томящимся в тоске
И зараженным вирусом всесилья?

От смертной скуки грабят мужиков,
Чтоб шли с сумой к их каменным палатам.
России нужно много бедняков,
Чтоб было за кого болеть богатым.
Без бедных им тоска, хоть волком вой,
Им хорошо, когда народу плохо,
Ну, что ты все качаешь головой?
Не думай, здесь все правда, без подвоха.
Они мечтают все у всех отнять...
Что ж ты потупил взгляд, кусаешь коготь?
Неужто даже ты сумел понять?
А вот они народ понять не могут.
Теперь ты видишь, Рик, что не тебе,
А мне реформы дали жизнь собачью?
Но я смеюсь в глаза своей судьбе,
А от обиды за Россию плачу.

Любовь и весна

Из полуденных стран прилетели скворцы.
Звон капли рассыпался, как бубенцы.
Отогрелись под солнцем небес бирюза
И девчат озорные глаза.

А весна раскрывает объятия свои,
О прекрасной любви напевают ручьи.
Сеет солнце подснежники в вешних лесах
И веснушки на милых носках.

Я понять не могу, что творится со мной.
Ах, какие улыбки у женщин весной!
Словно тысячи юных Джоконд и Мадонн
К нам нисходят с холстов и икон.

И от этого стало на сердце теплей,
Зазвенели капли еще веселей,
И прекрасною феей из радужных снов
Над землей воцарилась любовь.

Значит, все-таки жизнь — не сует суета.
Оказалось, что в людях жива красота,
Что теперь наяву, а не в призрачных снах,
К нам приходят любовь и весна.

Добрый день, беловчане!

И привычно и ново
Все в родимом краю.
Здравствую, город Белово!
О тебе я пою.
Здравствуй, город-рабочий,
Здравствуй, город-шахтер.
Ты огней многоточье
Над рекою простер.

Есть, конечно, красивей
На Руси города.
Почему же так сильно
Меня тянет сюда,
Где холмы терриконов
Над домами встают,
И колеса вагонов
Песни странствий поют?

Я люблю тебя, город,
Не за ширь площадей,
За рабочую гордость
И за добрых людей.
В радости и печали
Мы — большая семья.
Добрый день, беловчане,
Земляки и друзья!

Трубач

Его тропу не устилали розы,
Он появлялся в джазе сам собой,
В штанах с начесом от щедрот завхоза,
С роскошной серебряной трубой.

Он выпивал, хоть и не так, чтоб очень,
И не блистал изяществом манер,
Но поиграть, хоть днем, хоть среди ночи,
Он был всегда готов, как пионер.

Он выходил на самый край эстрады,
Как крест святой к губам прижав трубу,
И первой же чистейшею руладой
На каждый шорох налагал табу.

Нас опьяняли, как бокал Muskата,
Загадочная, словно океан,
Задумчивая «Аппассионата»
И знойный, как пустыня, «Караван».

Звук поднимался, как по жалу бритвы,
И вслед за ним мы поднимались с мест.
Он не играл, он возносил молитвы,
Он на Голгофу нес свой тяжкий крест.

Мелодии манили, чаровали
Напевом ветра, шорохом волны,
И никого уже не задевали
Манеры и казенные штаны.

Половодье

Пришла весна с широким половодьем.
Могучим рекам тесно в берегах.
Водой залиты пашни и угодья.
Бурлит вода на заливных лугах.
Вода бушует чуть не на пороге,
Крадется, угрожающе ворчит.
Деревни робко поджимают ноги,
Чтоб ненароком их не промочить.
Когда вода надела на плотину,
Собрав детей и ценное добро,
И торопя ревушую скотину,
Народ спешил укрыться за горой.
Едва-едва деревня опустела,
И в воздухе повисла тишина,
Прорвав плотины земляное тело,
В деревню с ревом ворвалась волна.
Неистовая, дикая стихия,
Запретную перешагнула грань,
И вот уж волны — всадники лихие —
Срывают с окон пышную герань.
Уносят прочь заборы и ворота,
Колоды, копны сена и дрова,
На улицах кипят водовороты,
Дома торчат среди них, как острова.
Давно народ не знал такой разрухи,
И, глядя на безумие реки,
Рыдают бабы, молятся старухи,
Качают головами мужики.

Одинокий пастух

Встает рассвет над горною долиной.
На дальнем хуторе «зарю» пропел петух.
Над пастбищем звучит напев старинный —
Встречает солнце песнею пастух.

Берет свирель в обветренные руки,
Перекрывает пальцами лады,
И музыки чарующие звуки
Звенят, как струи ключевой воды.

Напев взмывает журавлиным клином,
Звучит в дубраве песнею дрозда,
То плавно опускается в долину,
То упорхнет неведомо куда.

Мелодия летит по горным кручам,
Как белый аист, крыльями шурша,
И вместе с ней летит душа пастушья,
Смятенная влюбленная душа.

Спокойно бродит по лугам отара.
Уже давно погас ночной костер.
Нагретая земля курится паром,
И солнце золотит вершины гор.

А над зеленой горною долиной,
Тревожа душу и лаская слух,
Задумчиво звучит напев старинный.
Грустит о милой молодой пастух.

Вулкан

Вулкан безжалостно проткнул
Вершиной небо голубое.
В его груди родился гул,
Как отзвук грозного прибоя.
Как будто дикий лютый зверь,
Коварно загнанный в неволю,
Таранит запертую дверь,
Пытаясь вырваться на волю.
Удары яростней, сильней.
Дрожит гора. В дыму вершина,
Как будто выросла над ней
Огромная фигура Джинна.
Он страшен, черен, волосат,
На вид свиреп до содроганья,
И обжигает небеса
Его палящее дыханье.
И вдруг раздался страшный взрыв,
Встрянувший старую планету,
Сквозь ужасающий разрыв
Чудовище рванулось к свету.
Взлетели в небо камни, шлак,
Закрыла солнце туча пепла,
На землю опустился мрак.
Казалось, что земля ослепла.
Настала ночь средь бела дня,
Завыли в ужасе собаки,
И только всполохи огня
Плясали в наступившем мраке.

Над краем жерла поднялась
Огромной гидрой многоглавой
И вниз по склонам растеклась
Все пожирающая лава.
Неотвратимая, как рок,
Живое воплощенье ада,
Запретный преступив порог,
Ползет, сметая все преграды.
Смертельный источая жар,
Течение рек перекрывает
И, воду обращая в пар,
Сама все больше остывает.
Извергнув ярость из себя,
Вулкан как будто засыпает,
И, о содеянном скорбя,
Вершину пеплом посыпает.

Набат

1911.11.17

Залп Авроры

Семнадцатый год. Нева.
Николаевский мост. Братва,
Сжимая винтовки, застыла

у спущенных трапов.

У пирса Авроры скала,
И черное око ствола
Смотрит на Зимний —

убежище царских сатрапов.

Залп разорвал тишину

И всколыхнул страну.

Эхо волной прокатилось от моря до моря.

Палом прошла война.

Пережила страна.

Все одолела — разруху и холод, и горе.

Восемь десятков лет

Шли на далекий свет.

Все испытали мы — бремя позора и славы.

Нравится нам или нет,

Но не стереть этот след —

Это страница истории нашей державы.

Каждый теперь судья.

У каждого мерка своя.

Задним умом мы крепки,

а передним ослабли.

Вот почему и не впрок

Нам оказался урок.

Снова носы разбиваем об эти же грабли.

16.11.1997 г.

Так есть и будет на Руси

Нас беды навещают иногда.
Обида наши чувства задевает,
Когда же землю в траур одевает
Одна на всех огромная беда —
Народ свои обиды забывает.
Так есть и будет на Руси всегда.
Вот так же все случилось и тогда,
Когда страну бомбили в сорок первом,
А голос Левитана бил по нервам,
Над первыми потерями рыдал
И гибель предвещал фашистским стервам,
Хотя горели наши города.
Катился по земле каток войны.
Четыре бесконечных страшных года
Он подминал и страны и народы,
И лишь России-матушки сыны
Могли вернуть им счастье и свободу,
Сломав хребет исчадью Сатаны.
Мы шли к победе и она пришла,
Но далеко не все пришли из боя,
Помеченные горькою судьбою.
Но Родина свободу сберегла.
Над нею снова небо голубое...
Дай Бог, чтобы Отчизна не смогла
Забуть о тех, кто жертвовал собою.

В Беловежской Пуще

Как чисто было в Беловежской Пуще,
Но люди опоганили ее,
Свершив однажды в этой райской куще
Позорное деяние свое.

Застыла потрясенная природа.
Когда нечистоплотные дельцы,
Предавшие великие народы,
Под сенью Пущи прятали концы.

Хотя, что стоит воля миллионов,
Когда забрезжил президентский трон?
Что святость правды дедовских канонов?
Всевластие — вот право и закон.

Ведь жил народ единым государством!
Держава создавалась на века.
Они ж ее с невиданным коварством
Здесь в Пуще растащили по кускам.

Не пришлый зло творил, не чужеземец,
И святость Пущи осквернил навек,
Не озверевший гитлеровский немец,
А по рожденью русский человек.

Он клялся для народа стать мессией,
Беречь, лелеять каждый колосок,
А сам от тела матушки-России
Отринул самый лакомый кусок.

Как будто рок довлеет над народом.
А впрочем, что пенять на небеса?
Его толкают к краю год за годом,
А он все так же верит в чудеса.

Доколе жить, на чудо уповая?
Не время ль у мессии поспросить,
Как можно, ничего не создавая,
Чужое продавать и разрушать?

Казалось, Русь вовек никто не свалит,
Но трое в Пуще росчерком пера,
Как ядерною бомбою взорвали
Труды Екатерины и Петра.

Богатырские заставы

Упала ночь на порубежный лес,
Накрыла степь и древние курганы,
А лунный серп, прорезав свод небес,
Блеснул во мраке жалом ятагана.
В глухую полночь склоны разошлись,
И на курганы из глуби разломов
В пробитых латах стражи поднялись,
Сверкая сталью копий и шеломов.
Бойцы валежник на курган несут.
Кресало сухо чиркнуло о кремень,
Коснулся сушняка затлевший трут,
И пламя, вспыхнув, оттолкнуло темень.
И, как по мановению руки,
Цепочкой от кургана до кургана
Зажглись огни костров, как маяки,
Храня святую Русь от басурмана.
На рубежах ее звенят в ночи
На страх врагам с заката до рассвета
Дружины святославовой мечи,
Меч Невского и пика Пересвета.
Незримые, из глубины веков
Идут ночами прашуры в наряды,
Под тихий звон испытанных клинков
Шагают с пограничниками рядом.
И в том, что Русь пока еще крепка,
Еще не перестала быть державой,
Повинна, пережившая века,
Святая память русской ратной славы.

Покинутые

Стрелковый полк на танковой броне —
Уходит из Чечни к родимым хатам.
Сказав адью оставленным в Чечне
В неволе девятнадцати ребятам.

Солдаты едут, опустив глаза,
В молчании угрюмом ряд за рядом.
Они стыдятся посмотреть назад,
Чтобы случайно не столкнуться взглядом.

Там узники в стреляющих горах,
Отрезанные каменным забором.
Испытывая боль, обиду, страх,
Глядят им вслед с надеждой и укором.

Их взгляды молят, требуют, зовут
И сквозь одежду обжигают спину.
Они еще надеждою живут,
Не верят в то, что братья их покинут.

Угрюм, враждебен каменный аул.
Весь мир оделся в черные одежды,
Когда внизу затих моторный гул,
И с ним угас последний миг надежды.

Жертвоприношение

Нас тактике не обучали,
Мы маятников не качали,
Часами в тире не торчали...
Нас не учили выживать,
А вызвали в военкоматы,
Определили нас в солдаты
И, сунув в руки автоматы,
В Чечню послали воевать.
Упало солнце за хребты,
И под покровом темноты,
Не торопясь, походным строем
Произведенные в герои
Идем меж каменных громад.
Ни перед кем не виноваты,
Но «духи», стиснув автоматы,
Вложив в подствольники гранаты,
На нас сквозь прорези глядят.
Мы не почуяли врага,
Пока свинцовая пурга
Внезапно нас не захлестнула,
Косою острой полоснула
По нам костлявая карга.
Порвал колонну ураган
На сотни беззащитных целей.
А пули жалили и пели,
И смертоносный кнут метели
Повсюду жертвы настигал.
Гранаты рвали нас на части.

Достигла смерть вершины власти,
И вопль вознесся до небес:
«Будь проклят Пашка-мерседес
И все над ним,
И все, кто рядом!
Пусть Бог убившим нас снарядом
И их гадючник разнесет,
Пускай не нас, других спасет,
А нашим душам принесет
Покой над траурным покровом.
Не помяни нас бранным словом,
Кто крест наш дальше понесет.
На нас за бойню нет вины.
Мы — жертвы проклятой войны».

Солдатский сон

Спит солдат, уставший после боя.
Спит в окопе среди пустых полей,
И сквозь дрему слышит над собою
Дальний крик последних журавлей.

Не стрекочут злые автоматы,
Не плюется смертью миномет.
Тишина стволы закрыла ватой —
Пусть солдат немножко отдохнет.

Спит солдат на глинистой постели,
Спит, в руках сжимая автомат,
На пропахшей порохом шинели
Спит уставший фронтовой солдат.

Снится ему дальняя дорога,
Дом под крышею с резным коньком,
И родная мама у порога
Ждет, подняв ладошку козырьком.

Снится запах тополиных почек,
Золотые тучные поля,
И от пламени горячих точек
Не горит, не плавится земля.

Не грозят орудия шрапнелью,
Бомба взрывом землю не встряхнет...
Друг прикрыл солдатика шинелью —
Пусть перед атакой отдохнет.

Нежданная война

Гуляют слухи, как волна,
Все спорят о войне нежданной.
А мне чеченская война
Отнюдь не кажется спонтанной.
Все помнят тот тревожный год,
Когда в стране менялись власти,
Когда дурачили народ,
Открыто разжигались страсти.
И в памяти довольно свеж
Клич, что тогда произносили:
Бери свободы, сколько съешь,
Хоть до отвала (от России).
На той предвыборной волне,
В потоке самостийной грязи
Всплыл мусор не в одной Чечне,
Да и не только на Кавказе.
И не тогда ли Татарстан,
Сидящий на пупке России,
И иже с ним Башкортостан
Аж на Иран глаза косили?
Повсюду слышалось «Адюю».
Срывались голоса от крика.
Все вдруг забыли про статью
О неделимой и великой.
Ее бы сунуть всем под нос,
Не пустословить, не срамиться,
А навсегда решить вопрос
О государственной границе.

Но было всем не до того.
Между властями шли дебаты.
В Москве решали — кто кого
И то, за кем пойдут солдаты.
Все были по уши в борьбе,
На митингах мutilи воду,
Учили армию стрельбе
По беспокойному народу.
У всей России на виду
Тропу преступникам торили
И под Дудаеву дуду
Чечне оружие дарили.
Так кто ж сегодня виноват?
Кому достанется награда
За то, что наш Иван-солдат
Пойдет вперед под залпы «Града»?
Не враз созрел пожар в Чечне,
Он долго тлел, вдали от шума,
Чечня готовилась к войне,
В Москве о том никто не думал.
Но ведь должны же понимать
Все те, кто к этому причастен:
Для нас для всех Россия — мать,
А мать не делится на части.

Над бездной

Осенний лист, упавший с ветки тополя,
Качается на гребешке волны...
Спят корабли на рейде Севастополя,
Утраченного нами без войны.
Угрюмо бьются их сердца железные
В исконно русском, но чужом краю,
В который раз они стоят над бездною,
Вновь опасаясь за судьбу свою.
Отечеством своим бесстыдно преданы.
Они для всех — оскомина в зубах,
Тела стальные ржавчиной изъедены,
И пустота в снарядных погребах.
Им слышно, как над бухтами унылыми,
На их родимых крымских берегах
И рядом с адмиральскими могилами
Полощется чужой двухцветный флаг.
Руками кучки пьяниц и предателей
Чужим на поруганье отдана
Святая память предков-созидателей.
Позор тебе, несчастная страна!
Позор на вас, бездарные правители,
Зачинщики кровавых дрязг и смут,
Завоеваний предков расточители!
Потомки вас навеки проклянут.
И будут вас слепить ночами темными
Не крымских маяков прожектора,
А яростью горящий глаз Потемкина
И гневный взор Великого Петра.

Жертва

Он не сгорел в огне Афганистана.
Сквозь ад крошечный жизни фронтовой
Пришел домой издерганный, усталый,
Душою поседевший, но живой.
Он жизнь по Божьему закону строил.
Рукам рабочим дело находил.
И сына воспитал, и дом построил,
И дерево, конечно, посадил.
Мечтал, что скоро в дом войдет невестка
(Глядишь, окружит деда ребятня),
Но не сбылось. Казенною повесткой
Вломилась в дом кровавая Чечня.
Нет. Он спасет от этой бойни сына.
Надел награды и — в военкомат.
Герой Афгана жизнь понес на рынок,
Решил со смертью заключить контракт.
И снова кровь, и смерть, и боль утраты.
И грохот танков, и свинцовый шквал...
Но взрыв под ноги брошенной гранаты
Его контракт навеки разорвал.
Его нашли в крови на поле боя.
Он умер, не свершив всего, что мог,
Но сына спас, пожертвовав собою,
Исполнив свой последний в жизни долг.
Отныне сын погибшего солдата,
Такой ценой спасенный от войны,
По жизни понесет и боль утраты,
И тяжкий крест нечаянной вины.

Бог не выдаст

Собирался мужик на войну,
Чтоб спасти от набега страну.
Уцепилась жена за кушак:
«Пропадешь, непутевый лешак!
Лучше б дома ты, старый, сидел,
Брагу пил да Марию глядел.
А пойдешь басурмана имать,
Он покажет те Кузькину мать».
Отмахнулся мужик: «Ничего!
Мы еще поглядим, кто кого!
Не загадывай, бабка, вперед.
Бог не выдаст, свинья не сожрет».
Сунул в пазуху сало и хлеб,
Взял дубовый испытанный цеп,
Четвертинку у женушки спер
И на ворога буром попер.
А злодей уж поганит страну
И грозит: «Всех сожгу и сомну!
Преодо мной все живое дрожит!
Берегись, сиволапый мужик!»
Матюкнулся мужик: «Ничего!
Мы еще поглядим, кто кого!
Не грозись, басурман, наперед!
Бог не выдаст, свинья не сожрет».
Тут и вовсе злодей осерчал,
Саблю выхватил, как зарычал...
А мужик ему: «Тихо, милоч!
Я те щас причешу хохолок!»

Он цепом тяжеленным взмахнул,
Как по бритому лбу звезданул,
А потом по загривку хватил...
Басурман и глаза закатил.
Поделом тебе, щипанный гусь,
Не замай православную Русь
И запомни, злодей, наперед:
Бог не выдаст, свинья не сожрет.
Басурмана мужик победил
И с позором назад проводил,
Бросил наземь оружие свое
И присел отдохнуть на жнивье.
Четвертинку в руке раскрутил,
Выпил, крикнул, сальцом закусил.
И, лаптями шурша по стерне,
Полегоньку потопал к жене.
Хорошо на душе оттого,
Что побил он врага своего.
Знать недаром толкует народ:
Бог не выдаст, свинья не сожрет!..

7 ноября

Опальный день седьмого ноября.
Все в прошлом — и победы и утраты.
Но неужели все, что было — зря,
Как утверждают наши демократы?

История не делается зря.
(Зря даже прыщик на нос не садится.)
Да. Был в ней факт победы Октября,
И нам вольно ругаться иль гордиться.

По нам Гражданская война прошла,
И голод был, и был разгул террора,
И коллективизация была...
Все было, только не было позора.

Никто не смел России указать,
Чем торговать, как жить и как работать.
Теперь любой нас может наказать,
Коль без чужой указки делать что-то.

Была борьба за грамотный народ.
Из темноты он потянулся к свету.
Теперь идет борьба наоборот —
Свет продают за звонкую монету.

Россия гибнет, а в верхах грызня.
Не власть, а кучка скорпионов в банке,
Грызутся, ядовитый хвост подняв,
Друг другу прочат камеру в Таганке.

На кой им черт какой-то там народ?
(При дележе нет места для народа.)
Да и народ давно уже не тот,
Что лез в поток реформ, не зная брода.

Он понимает — надо повернуть.
На эту власть надеяться не стоит.
И чтобы, хоть душою отдохнуть,
Все чаще вспоминает о застое.

Набат

По России рыскали татары,
Угоняли русичей в полон,
И сквозь вопли, смерть и дым пожаров
Плыл над Русью колокольный звон.

Он стонал над павшею Рязанью,
Плакал над сожженной Москвой.
Все мертво. И лишь за дымной стланью
Отвечал тоскливый волчий вой.

Звон крепчал, гудел, гремел набатом,
Звал живых на битву за собой.
Это он подвигнул Коловрата
На последний беспримерный бой.

Он наставил Дмитрия Донского
Взять великокняжеский венец,
Двинуть Русь на Поле Куликово
И неволе положить конец.

Сколько было с той поры набатов...
Нет числа курганам и крестам.
Били и своих и супостатов
Вопреки и волею Христа.

По своим неписаным законам,
Как всегда, с похмельной головой
Прет Россия с колокольным звоном
На мятеж, на праздник и на бой.

Власть и мы

У нас тяжелый труд и рабский быт.
Нас унижают, словно мы рабы.
Да, мы рабы, но божьи, господа,
А вашими не будем никогда.

У вас богатство, власть, а мы бедны.
Не золотом, но правдою сильны.
А вы и перед Богом не честны,
Красны слова, но помыслы черны.

Я не скажу, что нет на вас креста.
Крест есть, но под крестом душа пуста,
Пусты и ваши планы, господа,
Не станем мы рабами никогда.

Разве думал солдат?..

Разве думал солдат, измотавшись в боях
до предела,
Свою грудь подставляя под свинцовые
струи огня,
Что полвека спустя распадется страна
на уделы
И запачкает кровью российские власти
Чечня?
Разве думал солдатик, убитый в степях
Подмосковья,
На пути у врага воздвигая последний заслон,
Что полвека спустя над печальным
его изголовьем
Воцарится не Божий, а волчий кровавый
закон?
И не ведал солдат, что священные клятвы
нарушат,
По великой стране расплзутся неправда
и зло,
Все, что он защищал, продадут, испоганят,
разрушат.
Он не видел позора. Хоть в этом ему повезло.
Я печально стою над убогой солдатской
могилкой,
И стараюсь представить, какими
он мыслями жил.
Он о счастье мечтал для себя
и для Родины милой
И за это в бою свою юную жизнь положил.

Под бомбежкой

Далеко от родного порога.
Бой за боем. Войне нет конца.
Третий год по военным дорогам
Маршируют два юных бойца.
Бьют дорожную пыль каблуками,
Не однажды ходили в штыки.
А давно ли их звали «сморчками»
Батарейные шутники?
Тяжелы фронтовые дорожки.
Не узнаешь, где грянет беда.
Но одной самой первой бомбежки
Им теперь не забыть никогда.
Степь пуста и ровна, как ладошка,
Ни бугра, ни овражка вокруг.
Здесь-то их и накрыла бомбежка.
Вся земля словно вздыбилась вдруг.
Затряслась, застонала от боли.
Степь захлестывал огненный вихрь.
Бомбы сыпались с режущим воем,
И казалось, что каждая в них.
Лечь на землю, всем телом прижаться,
Просочиться в иссохшую твердь.
Бомбы ближе и ближе ложатся.
Еще пара разрывов и — смерть.
Рядом грохнуло. Боль в перепонках.
Сила взрыва ребят подняла
И с размаху швырнула в воронку.
Не убила. От смерти спасла.

Дикий вой. Оглушительный грохот.
Взрывы ухают чаще, сильнее.
И внезапно безудержный хохот
Навалился на бедных парней.
Хохотали взахлеб, до икоты
И до вывиха челюстей...
Было странное, жуткое что-то
В этом смехе среди сотен смертей.
Их трясло, как в тяжелом припадке,
Дико дергались мышцы лица,
Боль вонзалась штыком под лопатку,
Только не было смеху конца.
Все, затих ужасающий грохот.
Гарь. Воронки. Тротильовый смрад...
Сумасшедший неистовый хохот
Отпустил изнемогших солдат.
Обессилен, лежали два друга,
А потом, отдышавшись слегка,
Изумленно взглянув друг на друга,
Покрутили рукой у виска.
Покурили у края воронки
И вперед, по Европе гулять.
Значит, рано еще похоронки
На далекий Алтай отправлять.

Кровавый рассвет

Бархатный занавес ночи,
Затканый золотом звезд.
Прокукарекает кочет, —
Слышно за тысячу верст.
Тихо. Спит ветер под крышей,
Город спокойно уснул,
Только на западе слышен
Низкий назойливый гул.
По небу тварью летучей,
Сея смятенье и страх,
К городу двигалась туча
В белых фашистских крестах.
Злобно ревели моторы,
Дым застилал небеса.
Бомбы упали на город
Ровно в четыре часа.
Падали бомбы и тонкий,
Жуткий, пронзительный вой
Врезался в перепонки
Сталью ножевой.
Выпущенная на волю,
Смерть обрывала сон,
А над российским полем
Ширился горестный стон.
В строгом молчанье встречала
Кровавый рассвет страна,
Но в каждом сердце звучало
Страшное слово ВОЙНА.

Стервятники

Гниют у пирсов корабли.
Ржавеют пушечные глотки.
У берегов родной земли
Чужие рыскают подлодки.

Заходят, как к себе во двор,
Подняв над бухтой перископы,
Не опасаясь никого,
В упор глядят на Севастополь.

Глядят стервятники и ждут
Так им желанного распада,
Тогда всей стаей нападут
И по кускам сожрут, как падаль.

Врагам России невтерпеж
За суетой урвать хоть что-то,
Пока в Крыму идет дележ,
По сути, гибнущего флота.

Грядет позорный, страшный час,
И, коль не избежать раскола,
То море Черное для нас
Российским будет лишь до мола.

Штурм

Ночь по-южному сразу накрыла село
Своим траурным черным покровом.
Ожидание камнем на плечи легло.
Ждем рассвета в молчанье суровом.
Мы лежим в темноте, автомат под рукой
На земле неподатливой, стылой.
Пишут трассы во мраке строку за строкой,
Бьют бандиты и с фронта и с тыла.
Есть приказ: на рассвете штурмуем село.
Под огнем да по чистому полю.
Но на то мы спецназ, значит время пришло
Исполнять генеральскую волю.
Рассвело. Коль приказано, надо идти.
Злобным лаем зашлись автоматы.
Нам бы только живыми пустырь перейти,
Зацепиться за первые хаты.
Зацепились. Стрельба из-за каждой избы.
Каждый метр вырываем зубами,
Значит, снова убитые, снова гробы
И стенанья родни над гробами.
Мы отбили заложников, взяли село,
Сосчитали потери и раны.
Двадцать шесть из двухсот
в Первомайском легло,
В этой боине жестокой и странной.

Прозрение

Все. Нас перекормили демократией
И охмурили запахом свобод.
С большим трудом мы вышли из апатии,
Прошло семь лет, пока прозрел народ.
Семь долгих лет кошмарного виденья,
Озлобленных, растерянных людей,
Семь долгих лет духовного паденья.
Без правды, без морали, без идей.
Семь лет развала, крови и насилья,
Когда война сменяется войной,
Безнравственности, глупости, бессилья
Людей, бездарно правящих страной.
По лестнице из наших спин горбатых
Они проникли во дворцы Кремля,
Лишили нас работы и зарплаты,
Ограбив до последнего рубля.
За то, что мы когда-то в них поверили,
Нас всех толкнули в грязь под сапоги,
Желудки и карманы нам проветрили,
Но... невзначай проветрили мозги.
Упала пелена. Пришло прозрение.
И подлинным творцам всех наших бед,
Нажившимся на нашем разорении,
Мы первый раз сказали твердо: «Нет!»

Памятник на Крещатике

Дикое поле, полынь да ковыль,
Пламя пожаров да черная пыль.
С дикого поля приходит беда,
С запада — ляхи, а с юга — орда.
Режут, насилуют, гонят в полон.
Над Украиною вопли и стон.
Выжжены хаты, кружатся во мгле
Черные вихри по черной земле.
Гетман Хмельницкий скликает полки.
Лавой идут на врагов казаки.
Им не впервой супостата карать,
Но за разбитою — новая рать.
Степь покрывает, как рой саранчи.
Уж притупились казацьи мечи,
Вяжет усталость, как крепкий аркан,
Кровушка хлещет из рубленных ран.
В Переяславе клокочет майдан.
Раду собрал непокорный Богдан:
«Братья! Одним нам отбиться невмочь.
Только Россия нам может помочь.
Только с Россией осилим врагов
И не погасим родных очагов.
Думайте, братья!» — воскликнул Богдан.
«Будем с Россией!» — грянул майдан.
Дикое поле — ковыль да полынь,
Знойного неба бездонная синь,
И не грозит Украине беда —
Изгнаны ляхи, разбита Орда.

На рубежах, ошетинив штыки,
Встали российской державы полки,
Братьям на радость, на горе врагам.
Счастье вернулось к родным очагам.
В память о том на гранитной скале,
Гетман Хмельницкий в казачьем седле
В бронзе изваян, как будто в броне,
Гордо сидит на горячем коне.

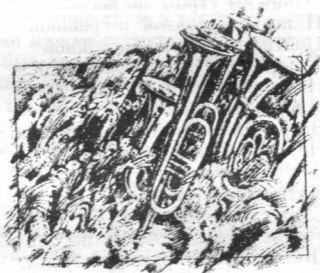
Парад Победы

В торжественном ритме гремят барабаны.
Гранитную глыбой застыл мавзолей.
По-батальонно походкой чеканной
Идет по брусчатке царица полей.

Уверенно сжаты в руках автоматы,
Мелодией славы звенят ордена.
По площади гордо шагают солдаты.
Встречай победивших героев, страна!

Идут батальоны в молчании строгом,
В истертых войной фронтовых сапогах.
Покорно метут перед ними дорогу
Плененные в битвах знамена врага.

Глазеют с трибуны заморские гости.
Маячат у всех толмачи за плечом.
Мы каждому рады. Пожалуйте в гости.
Но Боже избавь вас явиться с мечом!

Завершая век скандальный

К роднику

Как хочется собраться мне
Однажды утром по весне
И по Руси святой и грешной
Пойти походкою неспешной
С дорожной сумкой на спине.
Из края в край страну пройти.
Людей хороших на пути
Встречать в краю необозримом,
Неутомным пилигримом
Без усталости вперед идти.
Идти, минуя города,
С их суетливостью туда,
Где не по сказкам, не по слухам
Доселе пахнет русским духом,
Священным духом, господа.
Найти исконный корень свой,
И с непокрытой головой
Всплакнуть на стареньком погосте,
Где прапрадедовские кости
Навечно обрели покой.
С глубокой верою в глазах
И в очистительных слезах
Молиться в церкви деревенской,
Где отсвет мудрости вселенской
Лежит на древних образах.
Прильнуть губами к роднику,
Благоговейно, по глотку
Напиться мудрости народной
И силой мысли благородной
Наполнить каждую строку.

В поисках истины

Полночь. Дождь барабанит по крышам.
Свет в заплаканных окнах погас.
Шум на улице тише и тише,
Только мне не заснуть в этот час.
Позабыв про дневную усталость,
Я пытаюсь в стихах изложить
Все, что прожито, все, что осталось,
В этой суетной жизни прожить.
Что я в жизни хорошего сделал?
Сколько праведных дел совершил?
Сколько сделать бы мог, но не сделал?
Вольно или невольно грешил?
В общем, жил, как умел. Я не каюсь,
В грудь себя кулаком не стучу,
И от веры не отрекаюсь.
Я во всем разобраться хочу.
Я всю жизнь был законопослушен
И всегда был доволен вполне,
Что закон был ко мне равнодушен,
Что ж теперь так суров он ко мне?
Мне понятно и без богослова,
Что мирской, как и божий закон,
Должен быть справедливым, суровым,
Но суров не по адресу он.
Мягко стелет он тем, кто богаче,
Отпускает любые грехи.
Нет, у нас не богатые плачут,
Плачут те, кто живет от сохи,
Разве может быть истинной вера,

Справедливы законы страны,
Где десятки богаты без меры,
Миллионы без меры бедны?
Царь небесный, прости за кощунство,
Объясни неразумному мне, —
Неужели не мучает чувство,
Что невинных карает твой гнев?
Так открой же мне истины двери,
Устрани в моем сердце раздрай,
И чтоб я безоглядно поверил,
Тех, кто губит народ, покарай...

Лавина

Горы в объятиях вечного сна.
Холод сухой и колючий.
Настороженная тишина.
Снежная толща над кручей.
А за обманчивой тишиной
Грань между миром и битвой.
Грань между смертью и жизнью земной,
Острое лезвие бритвы.
Острые зубья. Матерый ледник...
Край этот дик и нехожен.
Кто же сюда безрассудно проник?
Будь, человек, осторожен!
Поздно. Открыта запретная дверь.
(Рок это был или случай?)
Тысячетонный неистовый зверь
Ожил и ринулся с кручи.
Горы потряс нарастающий гул.
Бесы вселились в лавину.
Злобно слизнула со склона аул
И потащила в долину.
Стерла белесая мгла горизонт
Вздыбленной снежною пылью,
Словно взметнул многоглавый дракон
В небо огромные крылья.
Мчится, грохочет обломками скал,
Сносит леса и постройки
Неудержимый чудовищный вал,
Дикий, слепой и жестокий.
Все, что в трудах создавал человек,

Рвал от усердия постромки,
Все что, казалось, построил навек,
В миг превратилось в обломки.
Лишь зазмеились по голой скале
Борозды страшных царапин,
Будто на склоне оставили след
Когти чудовищной лапы.
Бешено мчится лавина, грозна
В неудержимом движенье,
Чтобы воздать человеку сполна,
Чтоб отомстить за вторженье.
Рухнув всей тушей в ущелье, до дна
Выплеснув дикую ярость,
Чудище замерло, и тишина
Вновь над землей распласталась.
Падает снежная пыль на кусты
И на древесные кости,
Что из-под снега торчат, как кресты
На обветшалом погосте.

Восход луны

Вечерний ветерок принес прохладу.
Смеркается. Один брожу по саду,
А, впрочем, нет, со мною верный пес,
Но он решает сложную задачу —
Зубами достает свой куцей хвост
И между делом охраняет дачу.

Стемнело. Птицы на ветвях уснули.
Во тьме, как искры, звездочки блеснули.
Возможно, чтобы верный путь найти,
Не заблудиться, а подняться к Богу,
Разбрасывает ангел конфетти,
Прокладывая млечную дорогу.

И вот на серебристой колеснице
Катит луна — полночная царица...
Уже давно пора идти ко сну,
А я сижу. Мой пес со мною рядом.
Он, не мигая, смотрит на луну
Каким-то не собачьим мудрым взглядом.

Надежда

День словно ночь. Непроглядная тьма.
Жизнь беспросветная сводит с ума.
Взглядом затравленным ищешь просвет.
В легких отравленных воздуха нет.
Давит безденежье, душит нужда.
Души людские грубы, как наждак.
Речь не ласкает, а рвет, как пила.
Нет друг для друга добра и тепла.
Как тут не вспомнить военные годы,
Время, когда ни беда, ни невзгоды,
Ни похоронка, что сердце сожгла,
Не погубили людского тепла.
Вспомним голодных детей Ленинграда,
Чудом спасенных из пасти блокады,
Снова обретших в сибирском краю
Новых родителей, дом и семью.
Выстояв в стужу за скудным пайком,
С голодным делились последним куском,
Не оставляли соседей в беде...
Как потеряли мы это и где?
Может, безумная жажда наживы
Нас превратила в бездушных и лживых?
Может, причина не в этом была?
В людях надежда на счастье жила.
Жизнь — это дерево, корни — надежда,
Мысли, дела — листовая одежда,
Корни здоровы — листва зелена,
А без надежды засохнет она.

Последняя песня

Мела поземка, тропы заметая,
Струился с неба сумеречный свет.
По перелеску уходила стая.
Метель услужливо стирала волчий след.
А позади один в студеном мраке
Остался одряхлевший волк-вожак.
Он стаю уступил в жестокой драке,
Он власти вожака не удержал.
Луна всходила бледно, как в тумане,
Спеша свои владенья осмотреть.
Волк все сидел на сумрачной поляне.
Он чувствовал, что должен умереть.
Прощаясь с этой жизнью суетливой,
Он поднял взгляд на бледную луну,
И дикий вой, протяжный и тоскливый,
Как нож, вспорол густую тишину.
Все стало призрачным в неярком лунном
свете.

От волчьей песни замерла метель.
В кустах от страха затаился ветер,
Успев пригладить смертную постель.
А вой тянулся жалобно и дико,
Взвивался ввысь, сверля ночную даль,
То нисходил до яростного рыка,
То источал угрозу и печаль.
Вой долетел до уходящей стаи.
Шерсть вздыбилась на холке вожака,
И в грозном торжествующем оскале
Во тьме блеснуло лезвие клыка.

А волк запел воинственное что-то.
Взыграла кровь горячею волной.
Припомнились удачные охоты
И серой тенью стая за спиной...
Хмельной угар погони оголтелой,
Крик жертвы, полный боли и тоски,
Агония трепещущего тела
И кровью обагрённые клыки...
Картина пронеслась и потускнела
В усталом засыпающем мозгу.
Остатки силы покидали тело.
Тень волка закачалась на снегу.
И в наступившей тишине звенящей,
Рыча на ускользящую твердь,
Он из последних сил добрел до чащи
И здесь в глуши спокойно принял смерть.
Метель заголосила с новой силой,
Разворошив поземки белый дым,
Большой сугроб стал вожаку могилой,
А снег навеки скрыл его следы.

Во власти ветра

Говорят, что нет плохой погоды.
Люди терпят холод и жару.
Городок наш — пасынок природы —
Круглый год, как флюгер на ветру.

Да к тому ж веселый архитектор
Очень неудачно пошутил —
Жителей по своему проекту,
Будто в вентилятор поместил.

Пролетев над склонами отвалов,
Зачерпнув землицы и песка,
Ветер набирает силу шквала
И курьерским мчит до Городка.

С воем рвется в щели переулков,
Закружив бумажную метель,
Выгребает сор из закоулков,
У подъезда двери рвет с петель.

Горожане, прячась за домами,
Выбрав время, принимают старт,
Чтоб с разбега резкими рывками
Одолеть открытые места.

Отступают, падают неловко.
Ветер, торжествуя визжа,
Сыплет им на головы листовки,
Принуждая сдаться горожан...

Проверка на прочность

Ты тонешь в грязи и сугробах,
Секут тебя дождь и пурга.
И два океана на пробу
Таранят твои берега.

С тупою чудовищной силой
Таранят, стараясь найти
Все слабые точки России,
Свалить ее, сбросить с пути.

Все чаще тебя проверяют
На прочность враги и друзья.
Да зря только время теряют.
Грозна еще сила твоя.

Ты в смуте. Душа твоя плачет,
И, радуясь нашей беде,
Соперники нагло рыбачат
В твоей замутненной воде.

Бессмысленны ваши потуги
Россию свалить, господа,
Скорее штаны от натуги
Порвутся на ваших задах.

Ты выстоишь, Русь. Пусть не скоро
Дождешься рассветной зари,
Лишь только бы черви раздора
Не съели тебя изнутри.

Клуб

Пустынно перед клубною громадой.
Ни музыки, ни света из окна.
Внутри, как за кладбищенской оградой,
Застыла гробовая тишина.
Он, как старик-актер сошел со сцены,
Но в памяти иные времена,
Когда от музыки раскачивались стены
И лился свет из каждого окна.
От звонких голосов большого хора
Пускались в пляс деревья за окном,
Под каблуками множества танцоров
Ходили половицы ходуном.
Здесь ставили комедии и драмы.
Здесь голосов и звуков водопад..
Здесь создавались хлесткие программы
Для малых выездных агитбригад.
Отсюда, даже в лютые морозы,
Веселые, желанные для всех,
В глубинку, в отдаленные колхозы
Везли сатиру, юмор, шутки, смех.
Сюда, под эту крышу каждый вечер
Шли стар и млад от будней отдохнуть.
Влюбленные здесь назначали встречи,
А старики — на молодых взглянуть.
А правили здесь с молодым задором,
Не ожидая премий и наград,
Попыхивая крепким «Беломором»,
Три дамы — боевой триумvirат.
Не помню я, чтоб дамы не решили

Любой, пусть самый каверзный вопрос,
И много лет культурный воз тащили
Худрук, директор клуба и завхоз.
Я все гляжу на мертвую громаду.
Еще крепка и формы хороши,
Но ощущаю горечь и досаду:
Что толку в формах, если нет души.
А время перелистывает годы,
Они бегут, толкаясь и спеша,
Уходят моды и проходят моды,
Мы все живем, пока жива душа.

На переправе

Стальная нить паромной переправы,
Как нить судьбы, ее не удлинить,
Но эта, еле видимая нить,
Способна берега соединить
И разделить на левый и на правый.

Ползет улитка старого парома,
Распоряжаясь судьбами людей,
Везет навстречу счастью иль беде,
Следов не оставляя на воде,
Кого домой, кого-то прочь от дома.

И выпускает на дорогу жизни.
Бесстрашная послушница судьбы —
Бросает в пекло жизненной борьбы,
Где ждет кого-то зычный зов трубы,
Кого-то вопли плакальщиц на тризне.

Стальная нить паромной переправы,
Прямая, как летящая стрела,
От берега до берега легла,
Но сколько ни пыталась, не смогла
Соединить и правых и неправых.

Этапы большого пути

Пролегла кандалная дорога
От Москвы до самой Колымы,
Версты от острога до острога —
Путь этапный в край полярной тьмы.
Вдоль него, как вехи верстовые,
Ветхие могильные кресты
Ставили этапники живые
Жертвам арестантской маеты.
Смерть грехи несчастным отпускала
На дороге, среди пустых степей,
И в земное чрево опускала,
Навсегда избавив от цепей.
А живые шли к колымским зонам,
Как во сне, покорно, без хулы,
И вослед им погребальным звоном
На крестах звенели кандалы.
Сколько тех крестов в степи унылой.
Сколько судеб затоптали в пыль...
Бесконечен тяжкий путь постылый,
Все кресты, могилы да ковыль.
Сколько, завершая век скандальный,
Наторили мы этапных троп.
Каждая тропинка — путь кандалный,
Каждая верста на тропке — гроб.
А по тропкам в погребальном звоне
Рыночных пудовых кандалов
Бродим мы по всероссийской зоне
Стадом замордованных волов.

Мечта и реальность

Мы все зимою лета ждем
И времени отсчет ведем
До отпусков, до теплых дней,
Чем ближе к лету, тем сильнее
Нам хочется, чтобы оно скорей настало,
Пришла желанная пора...
И что же? Хлопоты с утра,
К полудню — дикая жара,
Весь день зуденье комара,
А к ночи валишься в свою постель устало.

Нам в детстве всем хотелось стать
Взрослее, в обществе блистать
И беззаботно жизнь листать,
И с неба звездочки хватать,
И чтоб всё сразу, много и скорее.
Но повзрослели мы. И что ж?
Семья, работа, быт, галдеж,
Скандалы, войны, грязь и ложь,
И вот уж пилим молодежь,
И исподволь становимся старше.

И, не оставивши нигде
Следа, как лодки на воде,
Живем мы по уши в нужде,
А выход неизвестно где,
И будущее наше под вопросом.
Боролись за судьбу свою,
А нам подбросили свинью.

Стремилась к лучшему житью,
А оказались на краю,
И нас опять швырнули в лужу носом.

А чтоб исполнилась мечта,
Не затянула пустота
И покорилась высота,
Как ни была б тропа крута,
Идти по ней решительно и смело.
И надо выбрать жоака
Не по размеру языка.
Определяя выбор свой,
Стараться думать головой,
А не (простите) мягкой частью тела.

Последний путь

Мужик в потертом кожушке
К затопленному буераку
Ведет на длинном поводке
Хромую, дряхлую собаку.
Когда-то был отменный пес,
Готовый хоть на смерть за дружбу,
Он много лет усердно нес
Обычную собачью службу.
Хранил хозяйское добро,
Отпугивал нахальных татей,
Но старости печальный срок
Подкрался, как всегда, некстати.
Слепой, облезлый и хромой
Он в свой последний путь плетется,
Хоть понимает, что домой
Он никогда уж не вернется.
И чувствуя, что смерть близка,
Не сетует на виноватых,
И только смертная тоска
Сквозит в глазах подслеповатых.
Тяжел и долог скорбный путь.
Болят спина, грозя сломаться.
Лечь бы под кустик и уснуть
И никогда не подниматься.
Но в шею врезалась петля,
Дыхание перехватила,
И надо дальше ковылять,
Собрав в кулак остаток силы.
Все, впереди блестит вода.

Конец мучительной дороге.
Жизнь оборвется навсегда,
А с нею боли и тревоги.
Пес не завыл, не озверел,
Когда на шею груз вязали,
Лишь обреченно посмотрел
Вокруг печальными глазами.
В них ни упреков, ни обид,
А лишь смертельная усталость,
И, кажется, невольный стыд
За унижительную старость.
Он не противился, когда
Веревка с грузом натянулась,
И, всхлипнув, талая вода
Над головой его сомкнулась.
Вода, плеснувшая слегка,
Застыла, словно загустела,
Над нею чайкой к облакам
Душа собачья отлетела.

Прости

Пурга истошно воеет за стеной,
Швыряет в окна целые сугробы,
И что-то непонятное со мной,
Как будто я у собственного гроба.
Опять звоню, а телефон молчит,
И снова трубку на рычаг швыряю.
Душа надорванной струной кричит,
И мнится мне, что я тебя теряю.
Смятенье в мыслях, теснота в груди...
Предчувствуя ужасную картину,
Кричу безмолвным криком: «Погоди!»
Бегу, ловлю попутную машину.
Проклятие! Как бесконечен путь!
Ползет навстречу серая дорога.
Схватиться за нее, к себе рвануть,
Приблизиться к тебе, хоть на немного.
Уймись же ты, проклятая пурга!
Не городи сугробы на дороге!
А вот и дом. Он рядом, в двух шагах,
Но почему не слушаются ноги?
Бросок по лестнице и поворот ключа,
Стремительно распахиваю двери...
Передо мной, как божия свеча,
Родимый взгляд. Я верю и не верю.
И с глаз моих упала пелена.
От спазма в горле задышал натужно.
Ведь мне по жизни только ты нужна,
Все остальное мелко и ненужно.

Я ощутил тепло любимых плеч,
В глазах твоих увидел состраданье,
И, от прилива чувств теряя речь,
Припал к тебе, глуша в себе рыданья.
Прижал к груди, боялся отпустить,
Тебя целуя как-то неумело,
Шепчу сквозь слезы: «Милая, прости!
Прости за все, что сделал и не сделал».

Родная сторона

В чаще леса бродит леший,
А в болоте — водяной.
В детстве вдоволь меня тешил
Чудесами край родной.
Там в ручьях хрустальны воды,
Там нехожены леса,
Там закаты и восходы
Зажигают небеса.

Облака пробив горбами,
Встали горы до небес,
А за крайними домами
Начинался темный лес.
Он кормил нас земляникой
И пахучей черемшой,
Размалевывал черникой
(Озорник, хоть и большой).
А весенние березы
Нам дарили сладкий сок,
И березовые слезы
Наполняли туесок.

Там летели с гор салазки,
Наст под полозом скрипел...
Там диковинные сказки
Мне ночами ветер пел.
Я карабкался на кручи
И восторженно кричал...
Может, есть места получше?
Я пока что не встречал.

Я настаивать не буду,
Но для каждого из нас
В мире нет чудесней чуда,
Чем родная сторона.

Дорога в рай

Такой мы, Россия, тебя не видали:
В мыслях смятенье, в душе пустота,
В окнах решетки и двери из стали
И ужасающая нищета.

Жизнь подменили пожизненной ссылкой,
Можешь — терпи, мочи нет — помирай,
А «олимпийцы» с ехидной ухмылкой
Всем, кто умрет, гарантируют рай.

Злые ухмылки кремлевских актеров
С губ плотоядных уже не смахнуть
Даже трагической смертью шахтера,
Кровью залившего рельсовый путь.

Он предпочел лучше лечь под колеса,
Чем, возвращаясь к семье без гроша,
Прятать глаза от немого вопроса.
Надорвалась и сгорела душа.

Болью народа кричат заголовки.
Сияются люди оковы порвать,
Но на протесты и голодовки
С башен кремлевских удобно плевать.

Тяжек их крест. Мы все ближе к Голгофе,
Сбитые ноги и плечи в крови...
Тянут иуды народ к катастрофе
И лицемерно клянутся в любви.

Мое счастье в России

Рвется ветер на волю,
Запутавшись в ивах,
Я шагаю по полю
Меж дубрав молчаливых.
Я не праздно шатаюсь,
На судьбу не ропщу.
Я не день коротаю,
Свое счастье ищу.

Я распутаю ветер,
Полечу с ним за реку.
Ведь без счастья на свете
Жить нельзя человеку.

Полечу утром рано
Над речною волной.
Может, в дальние страны
Улетело оно?

Может, птицею скрылось
За крутые отроги?
Только сердце забилось
В непонятной тревоге.

Застучало так часто
И слышалось мне:
«Не ищи свое счастье
На чужой стороне.»

Не ищи на чужбине,
В странах дальних и близких,
Ни в горячей пустыне,
Ни в лесах австралийских,

Ни в полуденной сини,
Ни в полуночной мгле.
Твое счастье в России,
На сибирской земле.

Здесь под песни и сказки
Тебя мама качала.
Здесь шахтерскою каской
Жизнь тебя увенчала.

Здесь, хмелея от страсти,
Ты любовь повстречал,
Значит, здесь твое счастье,
Здесь твой вечный причал».

Чтоб так и было

Опять ворчит на кухне чайник,
Глухая полночь за окном.
Льет дождь занудливо печальный.
Забылся мир тревожным сном.
Он не устроен и опасен,
И беззащитен, и жесток,
Но как он все-таки прекрасен,
Вселенной малый завиток.
Никто не знает, кем он создан
В недобрый или добрый час,
Но эта кроха в мире звездном —
Большая родина для нас.
Обитель до скончанья века.
Все на Земле приют нашли,
От червячка до человека,
Все дети матери Земли.
Различные лицом и статью
Белы, желты или черны,
Большие и меньшие братья,
Мы перед нею все равны.
Одно на всех нам солнце светит,
Одна на всех земля, вода.
И потому мы все в ответе,
Чтоб так и было навсегда.

Яблоко раздора

Был год быка

Минувший год скатился по уклону,
Смолк тихий звук прощального гудка.
Последовав природному закону,
Свирепый Тигр прогнал с пути Быка.

Был год Быка, тяжелый и рогатый.
Он долго брел по смутной стороне.
Мы шли за ним, как глупые телята,
Не по густой траве, а по стерне.

Был год Быка, кровавый, как коррида,
Разгул убийств, десятки катастроф,
Отчаянье до актов суицида,
Стенанья новых безутешных вдов...

Но год прошел. Бог с ним. Он не вернется.
С трудом, но мы смогли его прожить.
Кто знает, чем год Тигра обернется?
Ручным ему или свирепым быть?

Возможно, мы сумеем с ним поладить.
Народ наш будет и одет, и сыт.
Но если рыжий вздумает нагадить,
Всем миром оттаскаем за усы.

08.01.1998 г.

«Благодетели»

Мы знаем все, хотя бы приблизительно,
Что Богом в нас смирение заложено.
Но как до омерзенья унизительно
Просить о том, что нам и так положено.

Скитаемся всю жизнь, как заведенные,
Стучимся в кабинеты со смирением,
А нас встречают взгляды отчужденные,
Звучат слова, сквозящие презрением.

Там на постах народные радетели,
Идеи реформаторской носители.
Они на нашей шее благодетели,
А мы под ними вечные просители.

Приемные рабочими запружены,
Ждут люди высочайшего решения,
И больно видеть в их руках натруженных
Униженные слезные прошения.

О чем же эти просьбы непомерные,
Что стоят выше нервов их измотанных?
Отдайте им, хотя бы часть мизерную,
Их кровных денег, потом заработанных.

Неужто нет в вас доброты и жалости?
Нет. Вас сжигает вирус самомнения,
Над ним горит цветами побежалости
Вершина — чувство самосохранения.

Как будто вы не выношены матерью,
А рождены в пробирках без зачатия,
И нам, за то что веру мы утратили,
Вы посланы из ада, как проклятие.

Плоды приватизации

Уже давно освоены помойки
И нищенство каких угодно форм,
И никуда не скрыться от реформ,
От бесконечно долгой перестройки.

Мир прошлого, конечно же, разрушен
До основания (мы привыкли так).
Насилие, порнуха, наркота
Через руины хлещут в наши души.

Настало время дележа наследства.
Разверзлась бездна низости и зла.
Пошла резня за место у стола,
А здесь уже не выбирают средства.

А самое преступное явление,
Когда добро страны на части рвут,
У нас приватизацией зовут,
А выглядит точь-в-точь, как ограбленье.

И те, кто ближе всех сидел к верхушке,
Сорвав с российских сундуков замки,
Остервенело скалили клыки,
Чтоб посторонних не пустить к кормушке.

Открыто, нагло, не боясь скандала,
Прибрали все за жалкие гроши.
Мошенники считают барыши
Под флагом накопленья капитала.

И, прикрывая грязные делишки,
Полученные суммы (скажем в дар)
Бесстыдно выдают за гонорар,
Причем за ненаписанные книжки.

И это те, кого избрал народ,
Кому спроста добро свое доверил.
Пустил козлов в российский огород,
Они же перед ним закрыли двери.

А чтоб народ за дверью удержать,
Ему готовят мозговую клизму,
И он поспешно, только б добежать,
К народному рванет капитализму.

Курс без лечения

Палата. Койки в три ряда.
Лежат больные чинно.
В кастриюлю капает вода.
На окнах паутина.

Из-под кроватей — аромат
По горло сытых уток,
А из-под одеяла — мат.
Понятно, не до шуток.

Обходит врач за рядом ряд,
Диагноз пишет в карту
И назначает всем подряд
Лекарство от инфаркта.

Больной твердит, что нет монет.
— Пошли жену — добудет.
— Но у меня ж инфаркта нет?!
— В аптеку сходишь — будет.

После обхода, как всегда,
Сестричка входит хмуро,
Зовет: «Пожалте, господа,
Ко мне на процедуры».

Там, в процедурной, все равны,
Без возраста и пола.
Все подставляют, сняв штаны,
Объекты для укола.

Но вновь больного ждет сюрприз —
И препарата нету,
И для укола нужен шприц,
И за укол монеты.

Больные, натянув штаны,
Сдержав слезу и маты,
Держась за выступы стены,
Бредут назад в палаты.

Так день за днем весь курс пройдя,
И, не превысив нормы,
Выходят толпы доходяг
Толкать вперед реформы.

Делить так делить

(Один из вариантов раздела флота)

Когда чеченский президент
Узнал, что делят флот российский,
Решил не упускать момент
И тоже оказаться в списке
Желающих иметь свой флот,
Ведь флот — могущества оплот.

Поскольку он мужик крутой,
В Москву коллеге пишет ноту
И заявляет в ноте той
Свои претензии по флоту.
Мол, корабли иметь хочу,
И я, надеюсь, получу.

За мной великая Чечня.
Есть корабли у Украины
И будут в Грузии на днях,
А мы покруче, чем грузины.
Не дашь, сам будешь виноват,
Когда объявим «газават».

В Москве от ноты в транс вошли.
Гадают, матерятся, спорят:
«Зачем чеченцам корабли?
Они ж за сотни верст от моря.
Ракетный крейсер не баран,
Не может прыгать по горам.»

Шлют из Кремля в Чечню запрос.
Чечня ответила: «Не спорим,
Но если так стоит вопрос,
Передавайте вместе с морем.»
России, видно, по всему
И флот, и море ни к чему.
А за Чечней Таджикистан
Бьет по Кремлю такой же нотой,
А Кыргызстан, Узбекистан
Вообще не могут жить без флота.
Пришлось несчастному Кремлю
Делить на всех по кораблю.

Вопрос ребром

Зал содрогается от шума.
Наверное, весенний гром.
Нет. Это заседает Дума.
Вопрос о власти встал ребром.

Пора, решили депутаты,
Скрестить с правительством мечи
За труд без заработной платы
И за голодные харчи.

(Не депутатские, конечно)
У них как раз наоборот:
Хоромы обрели навечно,
Деликатесов полон рот.

И за горячими речами
Подспудно назревал вопрос:
А стоит ли махать мечами?
Еще решат, что мы всерьез.

У нас у всех дома и дачи.
А если страсти не унять,
И нас постигнет неудача,
Все могут запросто отнять.

А вдруг не те прорвутся к власти?
Начнут по-новому пахать,
И, не успев промолвить здрасте,
Нас всех отправят отдыхать.

Сомненья охладили страсти,
И депутатский пыл пропал.
Ребром стоял вопрос о власти.
Стоял, стоял да и упал...

Ох, эта смутная пора

Ох, эта смутная пора.
Совсем Россия оскудела.
Что ни граница, то дыра.
Любой входи, что хочешь делай.
От Кунашира до Днепра
Развал везде, куда ни кинься,
Смикитил бывший желтый брат,
Под бок толкает Русь: «Подвинься!
Накрыла задом полземли,
Уселась плотно, на три точки,
Нам хоть немного удели,
А то живем, как килька в бочке,
Чуть-чуть на север пересядь.
Мы много не запросим сдуру.
Нам километров в пятьдесят
Полоску по реке Амуру.»
И тут как тут японец-сан,
Проворный, юркий, словно шило,
Толкнул потрепанный Ниссан,
А хочет получить Курилы.
Прибалтам Балтику отдай
И земли, вплоть до Петрограда.
Со всех сторон несется: «Дай!»
Рвут у России из-под зада.
Хватают все, что попадет.
Очнуться бы, подумать крепко...
Пока до головы дойдет,
Русь станет, как лужкова кепка...

Декларация о доходах Президента РФ

Господин налоговый инспектор,
Я, как понимаешь, Президент,
Не профан в налоговом аспекте,
Сделал по доходам документ.

Собственно, какие там доходы?!
Все раздал. Остался налегке
И открыто говорю народу.
У меня ведь все на языке.

Правлю я страной почти задаром,
Потому все время на мели.
Клинтон управляет за доллары,
Я — за деревянные рубли.

Нынче каждый крутится, как может,
Сам верчусь до боли в голове.
Сколько лет копил на «Запорожец»,
А хватило лишь на «БМВ».

Взять бы дачу, хоть четыре сотки,
Их Чубайс по блату продает,
(Можно даже за бутылку водки),
А Наина денег не дает.

На один оклад кормлю ораву:
Дети, внуки... Прямо общепит.
Пью ведь, понимаешь, на халяву,
А не пить нельзя — душа кипит.

Из-за вас спиваюсь, россияне,
Вы еще острите мне назло,
Что указы я пишу по пьяни,
Так с похмелья вовсе тяжело.

Фу ты, черт. Уж лучше про доходы.
Блин! Наина начала финтить.
Будет секвестрировать расходы.
За квартиру нечем заплатить.

Вместо мяса покупает кости.
На пузырь не стоит и просить.
Можно, правда, к Билли съездить в гости,
На халяву выпить, закусить.

По налогам задолжал немножко,
Но в долгу остаться не хочу.
Лукашенко обещал картошку.
Распродам и сразу заплачу.

Родственные души

И снова власть упала в лужу носом,
Опять за недомыслие свое
Страдает политическим поносом,
Опять России отмывать ее.
Когда-то президент промолвил гордо:
«С бандитами не стану говорить.
Бунт пресеку решительно и твердо.»
А вышло так, что стыдно повторить.
Не потому, что по сопатке дали
(За дурость бьют не только на войне),
А потому, что сами бунт создали,
А отдуваться надо всей стране.
И президент не выглядит сердитым,
И даже не краснеет от того,
Что говорит он даже не с бандитом,
А с бывшими шестерками его.
И даже не на равных, потому что
Не он диктует, а они ему,
А он, глава страны, кивнув послушно,
Визирует бумагу: Быть сему.
Отныне россиянам надо дружно
Чечню застроить, накормить, прибрать,
Когда в самой Чечне, гремя оружием,
Болтается сотысячная рать.
Людей ворует, в поездах шурует
(Надежный способ деньги добывать).

Но наша власть не меньше их ворует.
И тем и этим на мораль плевать.
Они твердят: пожар в Чечне потушен.
Но ясно всем — он тлеет до сих пор.
И эти, ныне родственные души,
Еще не раз подбросят дров в костер.

Похоть

Скрипя, ползет автобус по ухабам.
Час пик. В салоне шумно. Теснота.
Подул бы легкий ветерок хотя бы.
Май, а стоит такая духота.
Бабенка едет. С ней детишек двое.
Пот у мальчика на вздернутой губе.
Семья. Но впечатление такое,
Что дети едут сами по себе.
Мамаша бойко глазками стреляет,
Кадрит в салон входящих мужиков
И беззаботно деток оставляет
В толпе среди ругательств и толчков.
Издаലെка, услышав пьяный лепет,
Рванулась, будто конь на зов трубы,
Волной по телу похотливый трепет.
Готова пасть и взвиться на дыбы.
Инстинкт опять не обманул мамашу, —
Взаимопонимание нашли.
Как говорится, заварили кашу
И торопливо к выходу пошли.
За ними вслед метнулись ребятишки,
Спешили, чтоб от мамы не отстать.
И девочка в распахнутом пальтишке
Еще пыталась образумить мать.
В ее больших глазах стояли слезы.
Не выдержит, сорвется, закричит...
Опередив, со скрытою угрозой
Мать прошипела: «Лучше замолчи!»
Поникла дочка под свирепым взглядом,

Вся съежилась, как лютою зимой,
Моля глазами: «Мамочка, не надо
Чужого дядю приводить домой.»
Но тут автобус, скрипнув тормозами,
Скрыл за густым соляровым дымком
И двух детей с молящими глазами,
И маму с одноразовым дружком.
Бежит, уходит время, но упрямо
Является ко мне кошмарным сном
Сюжет постыдной человеческой драмы,
Мелькнувшей за автобусным окном.

Пикник на троих

У России на пупке
Развалились в холодке
За питьем и за едой
Рыжий, лысый и седой.
Много пили, много ели,
Полегонечку хмелели,
До кондиции дошли
И беседу повели.
Рыжий сыто отрыгнул
И на лысого взглянул,
Подмигнул лукавым глазом:
«Как, браток, делишки с газом,
Много ли нагазовал?»
Лысый цифирку назвал.
В ней нули за единицей
Растянулись вереницей.
Оказалось, что нули
Обвились вокруг земли.
«Сам я газ не добываю,
Лишь купончики срываю.
Только что мы все про газ?
Как дела идут у вас?»
Покосившись на седого,
Он пытается молодого:
«Ты, конечно, всех моложе,
Да родился с лисьей рожей.
Всю Россию обманул.
Ну-ка, сколько грабанул?»
«Что вы, братцы, как я смею?

Я и грабить не умею.
Я делить, менять могу:
Я бумажку — мне деньгу.
Я законов не нарушил,
Все продал, а не разрушил,
И народные рубли
Мне в карманы потекли.»
Тут седой стаканчик хряпнул
И хозяйским басом рывкнул:
«Что расхвастались, друзья?
Главный здесь пока что я!
Хоть не шибко благородный,
Но почти что всенародный,
Если только захочу,
Всех в бараний рог скручу.
Я, когда не сильно пьяный,
Лют, как демон окаянный.»
Рыжий зырк исподтишка —
Покуражься, мол, пока.
Вишь, как бедный перегружен,
Вот такой ты нам и нужен.
Будешь ты руководить,
Мы — твоей рукой водить.
Захмеляются три друга,
Хоть стране живется туго,
Им неплохо в холодке
У России на пупке.

Не помрем, так будем жить

Он известен не по сказкам
Остролов и удалец.
Лют с врагом, с друзьями ласков
Русской армии боец.
Он прошел огни и воды,
В медных трубах побывал.
Православные народы
Он в обиду не давал.
Сколько он врагов осилил!
Сколько дерзких наказал!
Супостатам путь в Россию
Он навеки заказал.
Всыпал шведу под Полтавой,
И германцу морду бил,
И в Париж входил со славой,
Турок на море разбил.
В штыковом бою все силен,
Грозен, как на море шторм,
Но, однако же, бессилен
Одолеть поток реформ.
И теперь всегда голодный
(Чтобы злее был в бою),
Мерзнет он зимой холодной
В парусиновом раю.
Он хлебает редьку с квасом
В мирный день и на войне,
А сто грамм и кашу с мясом
Получает, но во сне.

Золотой песок

По океану плывет сухогруз,
Везет исключительной ценности груз,
Спешит через штормы и ливни косые
Из Калифорнии прямо в Россию.

Бьют его ветры, швыряет волна.
Прямо по курсу Россия видна.
На пирсе внешторговцы машут платками,
Ждут драгоценный товар из Майами.

На поездах сквозь бескрайнюю ширь
Груз повезут на Урал и в Сибирь.
Он растечется по разным дорогам.
Будут делить его всем понемногу.

Что за товар привезли в сухогрузе?
В тысячетонном раздувшемся пузе
В фирменных калифорнийских мешках
Тысячетонная груда песка.

Боже! Нижайшую просьбу прими,
Наших ретивых дельцов вразуми,
Иначе начнут для заснеженной Арктики
Снег закупать и возить из Антарктики.

Стабилизация

С приходом матушки зимы
Народ, дошедший до сумы,
Правительству отставкой угрожает.
Но, несмотря на инцидент,
Сидит в Барвихе президент,
Премьер же по Европе разъезжает.
Премьер характер показал
И, сильно гневаясь, сказал,
Что на него напрасно наезжают,
Не признают его реформ
(Ни содержания, ни форм),
А кабинет вообще не уважают.
А все так было хорошо.
Как говорят процесс пошел,
Хрустят в кармане акции Газпрома.
Он и Россию не забыл —
Кредит уже почти добыл.
Старался для России и для дома.
Чего народ поднялся вдруг?
Ведь так стабильно все вокруг?
Стабильнее на свете не бывает...
Стабильно фабрики стоят,
Стабильно трубы не дымят,
Стабильно всюду шахты закрывают.
Стабильно голодно в стране,
И без войны, как на войне,
В Чечне солдат стабильно убивают.
И всем известно с чьей руки
Все чаще целые куски

Стабильно от России отрывают.
Но как народу втолковать?
Накладно нынче бунтовать.
Вот, в девяносто третьем бунтовали.
И с той поры премьер с руки
Кормил элитные полки,
Чтобы команду «Фас» не забывали.

5.12.1996 г.

Лошадь и реформатор

Цыган, увидев, что близка зима,
А лошадь потребляет много корма,
Обследовав пустые закрома,
Решил в хозяйстве провести реформу.

Нет. Он на сено тратиться не стал,
Прочтя скотине дюжину нотаций,
Вообще кормить лошадку перестал
И на зиму оставил без дотаций.

Лошадка попыталась возникнуть —
Копытом била, головой мотала...
К концу недели стала привыкать,
О пище даже думать перестала.

Она забыла, что такое корм
И на штaketник смахивала сильно,
Но непреклонный проводник реформ
Твердил, что состояние стабильно.

Процесс пошел. Реформа удалась.
Двенадцать дней кобыла груз тянула.
Жаль, что конца реформ не дождалась,
У самой цели ноги протянула.

Я пожелал бы баловням судьбы,
Которые так на реформы падки,
Взвалить их бремя на свои горбы,
А не на спину трудовой лошадки.

Ночлег

Ехал всадник Диким полем на коне.
Сабля сбоку, пика, фляжка на ремне.
В сумке сало, хлеб — казацкая еда.
А во фляжке плещет вовсе не вода.
Дело к ночи. Конь устал, и путь далек.
Вдруг во тьме зажегся свет, как уголек.
Подъезжает. Видит — в поле хуторок.
Расседлал коня, шагнул через порог.
А ему навстречу девица-краса,
Очи жгучие и черная коса.
В красный угол садит гостя-усача,
Ставит закусь и бутылку первача.
Удалой казак куражиться не стал.
Съел закуску и бутылку опростал,
Тут же фляжку опрокинул заодно
И улегся на хозяйкино рядом.
Молодица мигом двери на крючок
И нырнула постояльцу под бочок,
Обняла его, аж захватило дух...
Вдруг о полночь во дворе пропел петух.
Зашатался ветхий хутор, задрожал,
Во дворе с испугу добрый конь заржал.
Видит парень — тени бродят по стене.
Черт! Да это же хозяйка на метле.
Вместо кос седые космы у нее,
Вся в морщинах, как дубовое корье,
Ухмыляется и манит казака,
А в беззубом рту желтеют два клыка.
Подскочил казак, в чем мама родила,

А хозяйка прыг на плечи со стола,
Шею крепкими ногами обвила
И уже вставляет в зубы удила.
Но уж этого казак стерпеть не мог,
С плеч своих за космы ведьму поволок.
Не бывало на честной Руси пока,
Чтобы ведьма оседлала казака.
Он чело святым крестом перекрестил
И кулак на темя ведьмы опустил,
А потом еще добавил по горбу.
Тут хозяйка на метлу да шась в трубу.
А казак вещички наскоро собрал,
Оседлал коня, поводья подобрал,
На скаку вскочил в черкасское седло
И погнал коня в родимое село.
Лихо скачет Диким полем наш казак.
Сам нет-нет да и оглянется назад.
То ли стебли камыша шуршат во мгле,
То ли ведьма догоняет на метле?

День смеха

А на Руси весна.
А на полях грачи.
Развеселись, Страна!
О Горе, помолчи!
Нам дан один на всех,
Смешной апрельский день.
Звучи, веселый смех!
Шути, кому не лень! !
Засмейся во весь рот,
И до заката дня
Разыгрывай народ,
Смешинками звеня!
Мы все не дураки
Хохмить, но как-то раз
Явились чудаки
И разыграли нас.
Очнулись мы теперь,
Но озорник Сезам
Закрыв для смеха дверь,
Открыв ее слезам.
Возможно, господа,
Случись это сейчас,
Так подло, как тогда,
Не разыграть вам нас.
Но к черту всех господ
В смешной апрельский день!
Хотя б один раз в год
Шути, кому не лень!

1.04.1997 г.

Даешь идею

Кто первый выдал мысль оригинальную
(Скорей всего с большого бодуна)
Идею сотворить национальную?
Неделю хохотала вся страна.

Идея — это, брат, не прыщ на заднице
(И тот вскочить не может просто так),
А тот, кто взялся с этим делом справиться,
По-моему, законченный чудаки.

Конечно, кое-что уже наделали.
День независимости утвержден,
Союз, как тушу, на куски разделали,
Но главное — народ освобожден.

Освобожден от средств на проживание,
От неудобных толстых кошельков,
От медицины и образования,
От маяты у домен и станков.

И как апофеоз освобождения,
Нас низвели до уровня скота.
Страх заменил нам норму поведения,
А нормой жизни стала нищета.

От нищеты мы привыкаем с завистью
Смотреть на заграничное житье.
Все реже над Россией кружат аисты,
Зато все чаще кружит воронье.

Идея — не разборка криминальная,
Чтоб пулями проблемы устранять.
Она ведь потому национальная,
Что призвана народ объединять.

Но как связать идеей безработного
С тем, кто отнял работу у него?
Что общего у нищего, голодного
С грабителем, ограбившим его?

Большевикам далась идея дорого.
Пришлось все тюрьмы, каторги пройти.
Пожалуй, многим нашим идеологам
Пора пойти по этому пути.

Улитка

Женщина в ночь на работу пошла,
С вешалки ценную шубу сняла,
Платья сложила в заплечный мешок,
Новый «Фунай» унесла за порог,
Вынесла ковриков тощий рулон
И холодильник от фирмы «Белон».
Кинув заботливо ватку под низ,
В ящик сложила столовый сервиз.
Выгнав тележку из гаража,
Все погрузила, с натуги дрожа,
Плюнув в ладони, в тележку впряглась
И потихонечку в путь подалась.
Каждую ночь, как улитка жильё,
Возит она достоянье свое,
Возит нажитое потом добро,
Чтобы хоть часть уберечь от воров.
Грабят дома наши каждую ночь,
Видно, никто нам не хочет помочь,
Не доглядел — все повынесут вон.
Где ты, милиция? Где ты, ЗАКОН?

К 850-летию Москвы

Сейчас бы всей России веселиться —
Справляет юбилей московский край.
Но разве может радовать столица,
На наших бедах едущая в рай?

Течет беда из взорванных кингстонов,
Потоком разливаясь по стране,
Течет в столицу дань из регионов
И оседает на московском дне.

Растет Москва, добреет, хорошеет,
От сытости ползет из берегов,
А регионам вешает на шею
Пеньковый галстук собственных долгов.

Твое нутро без усталости глотает.
Прости меня за грубые слова.
Твой аппетит тебя перерастает,
Как дорога ты стала нам, Москва!

У билетной кассы

Я приехал с женой на беловский вокзал,
Чтоб доставить к родителям внука.
И ни сном я, конечно, ни духом не знал,
Что поездка теперь — это мука.
Возле кассы какие-то люди в слезах,
Со смирением кланяясь в пояс,
То бранятся, то просят с мольбою в глазах
У кассира билеты на поезд.
Оказалось, что кто-то, возможно спроста,
Может, сдуру, а может, и с жиру
Обязал нас иметь при себе паспорта,
Хоть на миг покидая квартиру.
И не дай нам Господь, если с нами в пути
(Да без метриков) дети и внуки!
Нас смешают с навозом, заставят пройти
Через все униженья и муки.
Полчаса я ругался, молил, объяснял...
Мне на внука билет не давали.
Две дебелых кассирши, мордуя меня,
Беспардонно мне в душу плевали.
Раньше по несвободной советской стране,
От Чукотки до Калининграда,
Для проезда билета хватало вполне.
Нет с собой паспортов — и не надо.
Нас свобода умыла кровавым дождем.
И отнюдь не в билетную кассу,
А с покорностью кроликов дружно идем
Прямо в пасть комендантскому часу.

Отпуск

Мне недавно дали отпуск,
Но я не закричал ура,
Не пил с приятелями водку,
Не строил планы до утра.
Не тыкал пальцем в школьный глобус,
По Альпам ногтем не водил,
Поскольку городской автобус
Туда еще не доходил.
А экзотические дали
Придется мне смотреть в кино,
Ведь отпускные мне не дали,
Ну и зарплату заодно.
И, как когда-то пела Пьеха,
Не смог я получить билет,
Чтобы хоть раз туда поехать,
Где хорошо и где нас нет.
Теперь копаюсь в огороде,
А в дождь у «ящика» сижу,
Пишу о жизни, о природе,
И жизнь прекрасной нахожу.
Одна беда — от скуки что ли?
Вдруг разыгрался аппетит,
Пошел работать поневоле —
Быстрее время пролетит.
И ждать (скорее для проформы)
Зарплаты как святого дня.
Дождусь — переживу реформы,
А не дождусь — они меня.

Друзьям-поэтам

Он в каждом деле в доску свой,
Упорно ищет в жизни место.
Он и поэт не рядовой,
И парень просто мировой
Коллега наш — Сережа Пестов.

* * *

Он рыцарь, джентльмен и поэт,
Его стихи — душе отрада.
Таких, как Рюмин, больше нет,
И чтоб облагородить свет,
Таких серийно делать надо.

* * *

Игрив и терпок, как вино,
В любви к веселью ненасытен,
Пером остер и самобытен.
Наверное, не зря давно
Любим читателем Копытин.

* * *

В стихах он прост, почти велик,
И кистью пишет, как порхает,
Его пейзажи — просто шик.
Ну и талантливый мужик
Наш кореш, Александр Пархаев.

* * *

Поэт, певец, издатель, музыкант...
И, значит, ничего не будет странного,
Коль скоро не один еще талант
Отыщется в заначке у Щелканова.

* * *

Полны умом и верою глаза.
Ему, поэту Сергию Кинельскому,
Подобно лицеисту царскосельскому,
Есть что еще в поэзии сказать.

* * *

Хотите, чтоб пылал огонь в крови?
Пишите тоньше, чувствуйте острее.
Любите, как на Озере любви
Трагически любил Владим Кипреев.

* * *

Он пашню видел не из-под руки,
И жизнь узнал не со страничек книжных,
Недаром уважают земляки,
И говорят с улыбкой старики:
«Востер и плугом, и пером Коврижных.»

Кукушка

Высоко на суку
Притулилась кукушка.
Зачастила «ку-ку»,
Словно пела частушки.
Я б спросил: «Сколько жить?» —
Вдруг считать перестанет?
Впрочем, что ворожить?
Неприменно обманет.
На смолистом суку
Не смолкает кукушка.
И считают «ку-ку»
И юнец, и старушка.
Даже голос дрожит.
Вдруг пророчить устанет?
Нет причины тужить —
Все равно ведь обманет.
А сегодня она
Столько накуковала,
Что подумал: «Пьяна,
Или что-то склевала».
Не жалея свой труд,
До двухсот дотянула,
Столько лет не живут.
Наврала, обманула.
Я, признаться, устал
От кукушких частушек.
Много я повидал
В жизни разных кукушек.

Как начнут куковать,
От вранья уши вянут,
Если не проверять,
Непреренно обманут.

Кукушка

Вот как на слуху

Притягивает кукушка

Всех своих кукушек

Своею пенью и ступенью

И в старости «Сестра»

Вздут считать переселит

Вародем, что воронит

Непреренно обманит

Найдет в том же кукушке

Делать, как кукушка

Может, как кукушка

И юной в старости

Даже тогда обманит

Вздут, что обманит

И в старости кукушка

Вот как на слуху

Притягивает кукушка

Всех своих кукушек

Своею пенью и ступенью

И в старости «Сестра»

Вздут считать переселит

Вародем, что воронит

Непреренно обманит

Найдет в том же кукушке

Делать, как кукушка

Может, как кукушка

И юной в старости

Даже тогда обманит

О'Би рация, или О'Би

Поскольку успехи российской реформы
Погнали ученых с родных берегов,
Решили вожди, не меняя платформы,
Хоть чем-то восполнить утечку мозгов.
Одни предлагали восполнить деньгами,
Какие-то средства в науку вложить.
Но голос тонул в оглушительном гаме:
Порочную практику надо изжить!
Назначили сходку (по-новому — саммет),
Кричали. Таковую войну развели,
Что скоро устало клевали носами,
Однако под утро лазейку нашли.
Когда отгремела словесная рубка,
Решили: С натяжкой, но можно считать,
Что мозг наш по сути обычная губка,
Способная знания быстро впитать.
Не зря говорят: Гениальное — просто,
Идея созрела — пойди да сруби.
К тому ж есть огромное поле для роста,
Коль взять вместо губки тампоны О'би.
Об этом тампоне, спасибо рекламе,
Нам стали с экранов поэмы читать,
Проверьте его, и увидите сами —
О'би может все что угодно впитать.
Был праздник, фанфары победно трубили,
Проблема утечки мозгов решена.
В пустеющий череп тампонов набили...
Прощайся с наукой, родная страна!

Яблоко раздора

Яблоко с тоненькой ветки упало
Прямо в ладони мальцу одному.
Очень обидно сопернику стало —
Только что сам подбирался к нему.
«Я это яблоко первый увидел,
И, понимаешь, чуть-чуть не сорвал.
Ты, негодяй, меня крепко обидел,
Выватил прямо из рук и сжевал».
Долго кричал что-то гадкое, злое,
Рвал и метал. Утешало одно —
Стало быть, яблоко просто гнилое,
Если другому досталось оно.
Видел недавно явление второе:
Сам за столом, журналисты вокруг.
Он чуть не матерно «Яблоко» кроет,
Что, покрасневши, отбилась от рук.
Хаял народ, что не так голосует,
А коммунистам устроил разнос...
Если в июне народ не спасует,
Будет кому-нибудь фига под нос.

Петушок

(По мотивам сказки про царя Долдона)

Сидит над стольным градом петушок,
Под солнцем золотится гребешок,
Уже не золотой, а позолоченный.
Кричит петух, ужасно озабоченный.
И что же так тревожит петушка?
Вот-вот слетит с высокого шестка,
Усядется на старческое темя
Тому, кто понарошку правит всеми,
Начнет его старательно клевать,
Как малое дитя увещевать:
«Опомнись, дед, зачем дурить на троне?
И так уж все на свете проворонил.
Переплелось, смешалось все вокруг.
Заклятый враг сегодня — первый друг.
Вокруг тебя на бывшем царском троне
Сидят законный вор и вор в законе,
И разделить сегодня стервецов
Труднее, чем сиамских близнецов.
Ты — дед, а не младенец, не щенок.
Так почему же ты, как сосунок,
Прирос к заокеанской пуповине?
Ты сам в развале Родины повинен.
Тому, кто не живет своим умом,
Судьба ходить в упряжке под ярмом.
Не стоило провозглашать свободу,
Чтобы хомут примеривать народу.
Желаешь стать вассалом, Бог с тобой,
Но не тяни Россию за собой».

Цена программы

Чтобы народ всегда был в форме
И лишний вес не набирал,
В Кремле решили: Быть реформе!..
(Чтоб вместе с ней их черт побрал.)
И понеслось, и закутилось...
Взвыл ошарашенный народ.
Страна под гору покатилась.
Чиновники — наоборот.
В Кремле отныне регулярно
Соревнование идет —
Кто больше мер непопулярных
На наши головы введет.
Тут и невыплата зарплаты,
Обман, насилие, разор,
И гонки цен, и рост квартплаты,
Разбой и нищенства позор.
Налогов и поборов гамму
Из всех значечек извлекли,
И антикризисной программой
Всю эту мерзость нарекли.
Груз нам на плечи опустили,
Победно прокричав ура,
Программу Штаты оплатили
Тридцаткой унций серебра.

30.06.1998 г.

Васильки у шахтных стволов

Как же мне не писать о шахтерах?

Мне сказали: «Пиши о природе,
Это чище, приятней, светлей,
Чем писать о шахтерском народе,
Вечно грязном, живущем в земле».
Что ж, писал я о русских просторах
И о диком величии гор.
Как же мне не писать о шахтерах,
Если сам я кузбасский шахтер?
Если жить не умею иначе,
Вместе с ними лишенья терплю,
Так же радуюсь каждой удаче,
О напрасных потерях скорблю.
Наступило тяжелое время.
Беды цепко за горло берут.
Поредело шахтерское племя.
Не в почете их каторжный труд.
Как же мне не писать о шахтерах?
(Сохрани их, Господь, и спаси.)
Может так получится, что скоро
Не останется их на Руси.
Я не конь и не бегаю в шорах,
По теченью бревном не плыву.
Я не просто пишу о шахтерах,
Я шахтерскою жизнью живу.
Может быть, постороннему взору
Это чуждо и мелко, но мне
Важно все, как любому шахтеру.
Так могу ли я быть в стороне?

Цена дешевого угля

От взрывов рушатся забои,
Как будто вновь война пришла.
И словно павших с поля боя,
Несут шахтерские тела.
Опять урон, опять потери,
Стенанья плачущей родни,
И нечем эту боль измерить,
Что вдруг обрушилась на них.
Отплачут жены и невесты.
Парней на кладбища свезут.
И похоронные оркестры
Над ними прохрипят «Слезу».
Друзья по древнему закону
Придут погибших помянуть
И будут петь про коногона,
И водку горькую тянуть.
И материться втихомолку,
Что жить так больше нету сил
И что шахтерские поселки
Теряются в кольце могил.
И что уже вместить не может
Могил кузнецкая земля.
Что с каждым годом все дороже
Цена дешевого угля.

Трудный вопрос

Мы все стремимся, кто куда, и не понять
зачем.

Спешим от неудачи к неудаче,
И лишь случайно иногда встает вопрос:

Зачем

Мы поступаем так, а не иначе?

Зачем, к примеру, у ВФ выпрашивать кредит?

Ведь разворуют все, что запросили,

А этот фонд уже давно верхом на нас сидит

И подгоняет к пропасти Россию.

Зачем прогнозы рыбакам Камчатки и Курил?

Подумаешь, застигнет их цунами,

Куда важнее дать прогноз для новых воротил,

Балдеющих на Кипре и в Майами.

Зачем платить по векселям российским

мужикам?

А то скандалят, у порогов трутся,

А если выслать денежки в Чечню боевикам?

Уж эти с крикунами разберутся.

Ходил зарплату получать и приходил

ни с чем.

Негодовал. В душе кипели страсти.

Ругался, кулаком стучал. Потом решил:

Зачем?

Чем дольше ждать, тем полновесней счастье.

Конечно, можно не дожидаться и перегореть,

Не устоять под непосильным грузом,

Или, зарплату получив, от счастья умереть

С улыбкой на лице и полным пузом.
Лишь оказавшись в нищете, измучившись
совсем

И, наконец, поняв, что вновь надули,
Вдруг начинаешь задавать себе вопрос:
Зачем
Мы вышли бастовать тогда в июле?..

Урок для простаков

Я видел погребенье «Пионерки» —
Бездарное, без мысли, без души,
Как тот кафтан, что скроен без примерки,
Портняжкой-плутом безобразно шит.

Кафтан на скору руку подгоняли,
Тянули, подрезали рукава,
Тут подшивали, где-то удлиняли...
И все на свете было трын-трава.

Все уничтожил беспощадный молох
Во имя чьих-то пакостных затей,
Оставив умирающий поселок
И тысячи обманутых людей.

Просевшие, подтопленные хаты,
Руины зданий, в душах пустота...
И снова ни вины, ни виноватых.
Всему виною наша простота.

По простоте могильщика избрали,
А он всех просто выпнул за порог.
Нас, простаков, как липку ободрали.
Дай Бог, чтоб даром не пропал урок.

Застольная

Мы соберемся за столом,
Нальем вина в стаканы
И просто вспомним о былом,
Пока еще не пьяны.

Нас шахта повязала всех
Единою судьбою.
Так выпьем же до дна за тех,
Кто в этот час в забое.

Чтоб крепь надежною была,
Чтоб воздуха хватило,
И чтоб гора не подвела,
Живыми отпустила.

Не говоря дежурных фраз,
Мы просто молча встанем,
Тех, кто не вышел на-гора,
С прискорбием помянем.

Пьем за друзей, что в трудный час
Не подведут, не бросят,
За то, чтоб никогда не гас
Тот свет, что в сердце носят.

Мы пьем за небо на заре,
За теплые ладони
Любимых жен и матерей,
За мир и счастье в доме.

За нас, шахтеры!

В грудь неба вбитые копры
И террикоников бугры,
И скаты эстакадных крыш
Во чистом поле.
И поседевшие чубы,
И мокрые от пота лбы,
И наспех сбитые гробы —
Вот наша доля.
Мы выбрали опасный труд.
Наш путь к углю тернист и крут.
Нас черномазыми зовут,
Мы не в обиде.
Но ты спустись в забой хоть раз,
Почувствуй над собой Кузбасс
И выдай уголь на-гора,
Тогда увидим.
А мы полжизни в темноте,
В пыли, в грязи и в тесноте,
Порой ползем на животе
В глухих забоях.
Порой у смерти на краю
Работу делаем свою
И можем друга, как в бою,
Прикрыть собою.
Была нам матерью страна,
Но обескровлена она.
Надежды тонкая струна
Порвется скоро.

Пока еще не пробил час,
Поднимем, братцы, тост за нас.
Дай Бог, чтоб не в последний раз.
За нас, шахтеры!

ОПИСАНИЕ

Опять бастуем

Опять (уже в который раз) бастуем.
Вновь стукнул кулаком рабочий класс.
Правительству условия диктуем.
Оно (в который раз) плюет на нас.

Нельзя сказать, что мы не терпеливы,
Хоть говорят, что наш характер крут,
Шесть месяцев покорно, молчаливо
Мы ждем оплаты за тяжелый труд.

Шесть месяцев с протянутой рукою
Вымаливаем кровные гроши.
Полгода с безнадежною тоскою
Глядят на сласти наши малыши.

Хотя нас в господа определили,
Но мы порой завидуем рабам.
Их за работу господа кормили,
А нам и рабский хлеб не по зубам.

Бастуем! Это нам теперь привычно.
В который раз бастуем. А зачем?
И эта забастовка, как обычно,
Наверное, закончится ничем.

Пообещают выплатить зарплату,
Накормят новой басней соловья,
Определят расплывчатую дату,
И все вернется «на круги своя».

Шахтерская судьба

В касках набекрень, в спецовках нараспашку
Идут они, готовые к труду,
И лишь еще одну, последнюю затяжку
Друг другу предлагают на ходу.

Идя на спуск, они надеются вернуться,
Пока что не про них обвал и газ,
Но открывая дверь, стремятся обернуться,
Взглянуть на небо как в последний раз.

А в шахте, как в аду, где все черны,
как черти,

За уголь и за жизнь идет борьба,
И всем им на роду, от юности до смерти,
Написана шахтерская судьба.

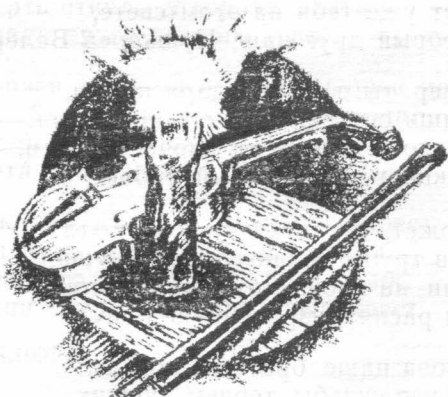
Но этот ад для них обычная работа,
Со скрипом тянут цепь конвейера,
И уголек, пропитанный шахтерским потом,
Идет из преисподней на-гора.

Ох, как же он тяжел и солон хлеб
шахтерский,

Но после смены выйдя на-гора,
Они, упав в траву, смакуют папироски
И смотрят в небо словно в первый раз.

Как будто не война. Не слышно канонады.
Тревожная, но все же тишина.
Но злая весть, как взрыв, ударит без пощады.
И содрогнется в ужасе страна.
И рухнет тишина. И все засуетятся.
Разрубит плети времени беда.
И для одних часы секундами помчатся,
Для многих миг застынет навсегда.
Под дикий вой сирен спасатели примчатся,
Померкнет с горя неба синева.
И, прихватив с собою чад и домочадцев,
Сойдется здесь шахтерская братва.
И будет ждать вестей из взорванных забоев,
Тревожно глядя на шкивы копра.
Как закричит толпа, зайдется в жутком вое,
Когда тела поднимут на-гора.
А дальше, как всегда, все как по трафарету,
Определят цену за каждый труп
И вдовам раздадут у траурных портретов
Под всхлипы медных оркестровых труб.
А жизнь свое возьмет. Остудит время страсти,
И все пойдет привычной чередой,
Но больше никогда изменчивое счастье
Не посетит осиротевший дом.
Перечеркни, Господь, рассвет холодный,
хмурый,
Кровавую беду останови.
Ты видишь, цвет угля не черным стал,
а бурым,
Так круто он замешан на крови.

Во имя ваше

Памяти В. Пушкарева

Не остудит злой, колючий ветер
Горечи безвременной потери.
Нет уже тебя на этом свете,
Добрый друг наш, Пушкарев Валерий.

Умер ты, как от удара шпаги,
Лишь оставил нам осколок боли, —
Будто в шутку, на клочке бумаги, —
Реквием, написанный тобою.

Может, ты тогда чутьем поэта
Зов трубы архангела подслушал,
Или на клочке бумажном этом
Ты распял израненную душу?

Снова наше братство поредело.
Волею судьбы теряем лучших.
Сколько б написал ты! Сколько б сделал!
Но так часто все решает случай.

Смерть оборвала на полуслове,
Вырвала перо из рук поэта.
Но живут твои стихи в Белове,
Оставляя в душах лучик света.

24.08.1997 г.

В. Пушкарёву

Не догорев, его костер погас.
Навеки скрыла тьма источник света.
Смерть отняла у города поэта,
Украдала друга верного у нас.

Окончен трудный путь. Разрушен мост.
У гроба все друзья, толпа народа.
Как безутешно плакала природа,
Поэта провожая на погост.

Тоскливо, пусто стало вдруг окрест.
Был путь поэта горек и недолог.
Укрой его приют, небесный полог.
Храни его покой, печальный крест.

29.08.1997 г.

Внук Сашка

Совсем раскисла неба промокашка.
Сквозь дырки сыплет дождь и мелкий снег,
А мне тепло. Со мною рядом Сашка,
Мой младший внук, веселый человек.

Я бережно беру его на руки,
Ах, как стучит сердечко под рукой!
Как радостно мне слушать эти звуки!
В душе моей и нежность и покой.

Он весело моргает мне глазами,
Агукает негромко, а потом,
Пустив слюну, смешно жует губами
И улыбается пока беззубым ртом.

И как светло мне от его улыбки,
И радостно, и кровь бежит быстрее,
И мир наш злобный, ненадежный, зыбкий
Становится надежней и добрей.

05.04.1997 г.

Новогоднее пожелание

Я, конечно, не российский Президент,
Чтобы в Новый год к народу обращаться,
Но с Задорновым случился прецедент.
Вот и я б хотел с народом пообщаться.
Я б не стал вещать народу свысока,
Не юлил, лапшу не вешал, не лукавил,
А поздравил с годом Красного Быка
И на каждый стол шампанское поставил.
Я хотел бы пожелать от всей души,
Чтобы люди на Руси не голодали,
Чтоб могли учиться наши малыши,
Чтобы их учителям зарплату дали.
Чтоб несчастные защитники страны
Не замерзли в парусиновых хоромах,
Чтоб они не погибали без войны,
Жертвуя собой за чей-то промах.
Чтобы выжила шахтерская семья
И опять Отчизне уголь добывала,
Чтобы каждая заморская свинья
В хлев российский свое рыло не совала.
Я б желал России, чтоб она сама
Без указки одолела испытанья,
Президенту и правительству — ума,
А российскому народу — процветанья.

30.12.1996 г.

Внук пришел в гости

Я улыбаюсь шире, чем японцы,
Когда за дверью раздается стук,
И в дом врывается кусочек солнца —
Приходит в гости наш прекрасный внук.

Веселый, непоседливый, вихрастый,
Довольно рослый, хоть всего пять лет,
Кричит из коридора: «Баба, здравствуй!»
И руку подает: «Здорово, дед!»
И, торопясь, едва успев раздеться,
С улыбкой просит: «Поиграем, дед?»
Меня, как друга, приглашает в детство,
Снимая с плеч моих полсотни лет.

И мы воюем, мы играем в прятки,
Мы понарошку ездим на базар,
И вот сверкают розовые пятки, —
«Разит» меня вандамовский удар.

Я побежден, я смят, я искалечен,
А внук уж рыцарь в панцире стальном.
Со спинки кресла прыгнул мне на плечи,
И я помчался резвым скакуном.

Мы танки создаем из табуретов.
И снова бой, мне снова нелегко.
Внук в перестрелке абсолютно меток,
Я попадаю только в «молоко».

Внук вертится вокруг проворной рыбкой,
Доволен, свеж, а я уже устал.
Жена качает головой с улыбкой:
«Довольно вам. Связались мал и стар».

За стол садимся дружною ватагой
(Внук любит в коллективе пожевать).
А пообедав, с ручкой и бумагой
Идет с бабулей буквы рисовать.
Но день уходит, наступает вечер,
Родители уводят мужичка.
Мы грустно говорим: «До скорой встречи»
На звонкое денискино: «Пока».

Леониду Торгаеву

Вместе с ним мы нигде не бывали,
Ни в культурных, ни в зланных местах.
Друг о друге всегда узнавали
По стихам на газетных листах.

Мне казалось, стихи его пели,
Отклик в сердце моем находя,
То веселою трелью капли,
То печальным напевом дождя.

Сердце гложет тоска и обида.
Вышел я в поэтический свет,
Но уже не застал Леонида.
Я пришел, а его уже нет.

Видно, сердце бороться устало,
Хоть поэт полпути не прошел,
Лишь когда Леонида не стало,
Всполошились: «Как рано ушел!»

Не заметил. Не угадали!
Вот сейчас бы!.. Да поезд ушел...
После смерти и книгу издали.
Час торгаевских чтений пришел.

Путь его был печален и труден.
Столько лет с костылями в руках.
Но какие хорошие люди
Оживали в душевных строках!

Неразлучный с пером и баяном
(Пусть его и запомнят таким).
Он не стал всероссийским Баяном,
А остался навек городским.

Что же, видно, такая планида...
О тебе наша светлая грусть.
На таких городских Леонидах
И стоит наша матушка-Русь.

Памятные дни

(жене Галине Павловне в день рождения)

У каждого из нас есть памятные дни,
Такие безмятежные вначале,
Но повзрослели мы и все сильнее в них
Звучат мотивы грусти и печали.

За праздничным столом мы вспоминаем
о былом,

И на глаза слезинка навернется.
Немножко будет жаль того, что отцвело,
Что озорная юность не вернется.

Не надо горевать о том, что не вернуть,
Хотя того, что было, не забудешь.
Космический стрелец тебе укажет путь,
А значит, ты еще счастливой будешь.

Земной тебе поклон за то, что любишь нас,
Забодишься о нас и дни и ночи,
За доброту твою, за свет лучистых глаз,
За все, за все тебя мы любим очень.

Внуку Максимке

Тебе сегодня восемь лет,
Какой ты стал большой, Максимка!
Скучает по тебе твой дед,
У бабы на щеке слезинка.

Уже ты ходишь в первый класс,
Мы про твои успехи знаем,
Ты только не сердись на нас
За то, что редко приезжаем.

Я, милый внучек, был бы рад
К вам ездить каждую субботу,
Но нам, как ни печально, брат,
Не платят денег за работу.

Дай Боже, внучек, чтоб хоть ты
В пути не встретился с ненастьем,
Пусть сбудутся твои мечты,
И каждый день искрится счастьем.

Нам хочется от всей души,
Чтоб было все тебе по силам,
Чтоб рос ты сильным и большим
И очень умным, и красивым.

Был крепким, чистым, как кристалл,
К победам шел походкой скорой,
Чтоб Павлику защитой стал,
Отцу и матери опорой.

Счастье

Целый день я в заботах,
Хоть и день выходной.
Дочь ушла на работу,
Внук остался со мной.
Мы машинки катаем,
Сев друг к другу лицом,
В общем, день коротаем
С дорогим сорванцом.
Мне приходится круто —
Шустрый малый — беда,
Но бывает минута,
Загрустит иногда.
Подбежит к телефону,
Пальцем диск повернет,
И, прильнув к микрофону,
Еле слышно вздохнет.
Он взволнованно дышит,
Дует в трубку и ждет,
Может, мама услышит
И скорее придет.
Слыша в трубке шипенье,
Словно в кране вода,
Внук, теряя терпенье,
Скажет: «Мама, да-да!»
Начиная сердиться,
Он тарашит глаза.
И уже на ресницах
Закипает слеза.

Сжав обиженно губки,
Не скрывая слезы,
Оторвется от трубки,
Скажет: «Деда, дезы!»
Мне ручонки протянет
И прижмется щекой.
И так радостно станет
Мне от ласки такой.
Задремал непоседа
На надежной руке.
У счастливого деда
Капли слез на щеке.

Тост за тебя

(супруге Галине Павловне посвящается)

Дорогая, мы празднуем твой юбилей.
Пусть метелица нам подпоет веселей.
Для тебя для одной наши тосты звучат.
Для тебя поздравленья детей и внучат.
Поздравляют тебя и родня и друзья.
Как сумел, написал поздравление я.
Может быть, не всегда был я на высоте,
Но люблю, как и прежде, клянусь на кресте.
Может быть, ты бываешь крута иногда,
Но не бросишь в беде никого никогда.
Речь твоя не слащава, как трель соловья,
Только не просыхает жилетка твоя.
Под жилеткою доброе сердце твое,
Вот и хочется людям поплакать в нее.
Без тебя дом не дом, а четыре стены.
Ты для нашей семьи, словно флаг для страны.
Быть опорой семейству — планида твоя.
Есть хозяйка семье, значит есть и семья.
Ради счастья детей не жалеешь себя.
Пусть они никогда не разлюбят тебя.
Ты внучатам души теплоту отдаешь,
И, надеюсь, что в них ты опору найдешь,
За души материнской высокий полет
Бог тебе долгожданное счастье пошлет.
Будь здорова, чтоб хворь безвозвратно ушла.
Будь удачлива, чтобы беда обошла.
Радуй нас лучезарной улыбкой своей.
Этот тост за тебя и за твой юбилей.

Тайна

Хоть путь мой лавром не увенчан,
Но я об этом не скорблю.
Я каждый день гляжу на женщин,
Но лишь одну всю жизнь люблю.

Люблю, как теплый лучик света,
Как воплощение мечты.
Возможно, даже не за это,
А лишь за то, что это ты.

Непредсказуема, взрывная,
Но в мире только ты одна
Душа надежная, родная,
Судьбою данная жена.

На сплетни женские не падка,
Тайн у тебя от близких нет,
И все же есть одна загадка,
Присущий лишь тебе секрет.

И, видит Бог, что не случайно,
Неодолимо, как магнит,
Твоя пленительная тайна
Меня всю жизнь к тебе манит.

01.05.1998 г.

В. Ободзинскому

Струилась по лицу печаль
И звуки падали, как слезы,
И горько пахнувший миндаль
Мешался с ароматом розы.
Еще мелодия лилась,
А жизнь уже была в цейтноте.
Ее струна оборвалась
На самой сокровенной ноте.

В. Дубов **Белово**

Я расскажу простым и добрым словом
О малом городке большой страны
С исконно русским именем Белово,
Для многих ставшим близким и родным.

О милой сердцу простенькой природе,
О перелесках, пашнях и логах,
И уж, конечно, вспомню о народе,
Осевшем на бачатских берегах.

I

На бачатском берегу
Пятистенок новый.
Возле речки на лугу
Меринок соловый,
В огороде за избой
Зеленеют грядки,
Уплетают хлеб с колбой
Во дворе ребятки.
Слава Богу, все свое
На заимке новой.
Может, сладится житье
Федора Белова?

Для тех, кто спину гнул на барском поле,
В России было только два пути —
Жить в кабале или бежать на волю,
Бежать в Сибирь, чтоб рай земной найти.

И был указ. Кузнецкий воевода
Предписывал сих беглецов ловить,
Дабы руками беглого народа
Нетронутые земли оживить.

Бежал в Сибирь голодный люд Расей
От барина на вольные хлеба.
Здесь оседал, косил, пахал и сеял.
Росли деревни: за избой изба.

А пятистенка Федора Белова,
Оконцами глядевшая в луга,
Дала начало городу Белово,
И ожили речные берега.

2

Белоствольную березу
Любят мужики.
Льет она весною слезы
Прямо в туески,
Ветки зеленью одеты,
Радуют глаза.
Хорошо из веток летом
Веники вязать.
Хороша она в морозы
В белых кружевах.
Жаль, что только из березы
Жаркие дрова.

В Гурьевске заводы, в Салаире рудники,
А вокруг Белова на сто верст березняки.
Гурьевским заводам нужен уголь и дрова...
У берез беловских заболела голова.
Мужикам окрестным дали в руки топоры.
Стали углежогами крестьяне с той поры.

Лес на чурки резали, чурки в ямах жгли.
Уголек подводами на завод везли.
Отшумел березовый белый хоровод.
Съел леса беловские Гурьевский завод.
С той поры, наверное, в правило вошло,
Что Кузбасс не гладили, стригли наголо.
Древние считали, что Земля на трех китах,
А Белово держится на угольных пластах.
Домницы голодные требуют угля.
Открывай кладовочки беловская земля.
Первые шахтерики в норах, как кроты,
Ковыряют кирками мощные пласты.
Черные, уставшие на-гора ползут,
За собой на саночках уголек везут.
Ах, судьба шахтерская, ты черней угля...
И совсем не вольная вольная земля.

3

Тяжелый бег десятилетий
Мир изменил в конце концов.
Без детства выросшие дети
Сменяли у сохи отцов.

Уже рубили уголь внуки,
Уже стояли у станков,
А у людей немели руки
От тяжести стальных оков.

Но вот в России полыхнуло
Огнем Октябрьской пальбы,
И люд беловский затянуло
В воронку классовой борьбы.

Здесь, как везде, кипели страсти,
Шел брат на брата с топором,
И каждый день менялись власти,
Чинили казни, суд, погром.

Совали факелы под стрехи,
Громили села, города
Колчаковцы и белочехи,
И уголовная орда.

Но не сдавались беловчане,
И, веря, что наступит рай,
Огнем карателей встречали,
Спасая дом и отчий край.

Разбит Колчак. Разбиты чехи.
Пожар войны давно остыл.
Лишьobeliski, словно вехи
Маячат на холмах могил.

Чтоб знали все, как это было,
Чтоб вечно помнила страна,
Храните, братские могилы,
Героев павших имена.

4

Семьдесят лет пронеслось с той поры.
Нынче повсюду ругают Советы.
Но не тогда ли, шагнув из дыры,
Наше Белово шагнуло к расцвету?

Год двадцать первый. Октябрь. Мороз.
Сказочным змеем железноголовым
В город неспешно вползал паровоз,
Новую эру открыв для Белова.

Так получилось, что наш городок
С этого утра, с рассветного часа
Стал перекрестком железных дорог,
Сжав в кулачке все дороги Кузбасса.

Двадцать восьмой. Знаменательный год.
Здесь, в захолустье, в российской глубинке
Начали строить огромный завод
По производству сибирского цинка.

А в тридцать третьем году родилась,
Крепкая даже по нынешним меркам,
И беловчанам по сердцу приглась
Наша любовь и печаль «Пионерка».

Город стремительно рос и мужал.
В мирные дни и военные будни.
Марку беловскую крепко держал.
Были под стать и беловские люди.

5

Война гремела там, за горизонтом,
Как будто далека, но так близка.
И день и ночь через Белово к фронту
Везли припасы, технику, войска.

И с ними уходили беловчане,
Целуя стариков, детей, жену,
Окинув взглядом город на прощанье,
Шли в бой спасать свой дом, свою страну.

Их подвиг вечной памяти достоин.
В боях стояли насмерть, как стена,
И если гибли, гибли, как герои,
Живые возвращались в орденах.

Четырнадцать прославленных героев
Дала стране беловская земля...
Но кончен бой. Герои шли в забой,
На стройки, на заводы, на поля.

Росла добыча угля год от года,
Взметнулись свечи труб Беловской ГРЭС.
А уж к деталям радиозавода
И в мире появился интерес.

Трудились беловчанки, одевая
В свой трикотаж и Питер и Москву,
Порой такие вещи создавая,
Что всем казались сказкой наяву.

6

Однако жизнь есть жизнь. Не все в ней
гладко.

Она частенько предъявляет счет
За каждую ошибку и накладку,
И за халтурно сделанный расчет
Хотелось нам, к примеру, до зарезу
Дорваться до дешевого угля.
И вот теперь провалами разрезов
Истерзана беловская земля.
А страшный взрыв на шахте в Колмогорах?!
В тот день от боли вздрогнула страна.
Ушли из жизни тридцать пять шахтеров,
Лишь на крестах остались имена.
А город жил, не прекращая стройки,
Как говорится, била жизнь ключом.
Но призрак злополучной перестройки
Уже навис дамокловым мечом.
Эксперименты не проходят даром,
Коль авторы не дружат с головой,

Рабочий город стал большим базаром,
Заводы стали зарастать травой.
Пришла пора развала и разброда.
Распушен весь беловский трикотаж,
Сгорели лампы радиозавода,
И цинковый вот-вот уйдет в тираж.
Для пробы схоронили «Пионерку»
Бездарно, второпях, не по-людски.
Как говорится, сделали примерку.
Процесс пошел... Держитесь, мужики.
Как бы стыдясь проезжего народа,
Среди поlynных зарослей в степи
Ржавеет под дождем скелет завода
Необходимой шахтам мехкрепи.
Поистине, безрадостна картина.
Но если плакать и себя жалеть,
То нас, как мух, затянет паутина,
Останется лишь медленно истлеть

7

Не за этим город наш Белово
Вырос на бачатском берегу,
Из разрухи он воспрянет снова,
Обретя дыханье на бегу.

Он еще оденется в обновы
И вернет рабочий облик свой.
Ведь народ наш грамотный, толковый.
Лишь бы был хозяин с головой.

Есть угля несметные запасы,
ГРЭС снабжает светом и теплом
И едим пока не редьку с квасом,
Есть чем встретить праздник за столом.

Не угасла в городе культура, —
Есть свои художники, певцы...
Даже есть своя литература...
Ай да беловчане! Молодцы!

Катаклизмы нам не угрожают.
Есть еще уголья и поля.
А покуда женщины рожают,
Будет жить беловская земля.

Что не сможем мы, осияют дети,
Промахов отцов не повторят,
И о нашем городе на свете,
Верю я, еще заговорят.

СОДЕРЖАНИЕ

Моему читателю	5
Дух «дышит, где хочет»	6

Я пришел в этот мир не случайно

Беловские лога	14
Закат	15
Гроза	16
Мечта живет	18
Родник	20
Русская печка	21
«Стонет выпь на болотах...»	23
Манок	24
Опять зима	25
Рассвет	26
Примета	27
Осенние хлопоты	28
Они родня	29
Конец лета	30
Табун	31
В кедраче	32
Тополь	33
Вечность	34
Волшебная зимняя ночь	35
Домой	36
Тишина	38
Русь не кончается с нами	39
Дуэль	40
В русской бане	41
Дыхание зимы	43
Развеянные грезы	44
Пасхальный перезвон	45
Шиповник	46

Расскажи мне, гармошка...	48
Веселый Роджер	50
Гармошка	51
Кое-что о собачьей жизни	52
Любовь и весна	54
Добрый день, беловчане!	55
Трубач	56
Половодье	57
Одинокий пастух	58
Вулкан	59

Набат

Залп Авроры	62
Так есть и будет на Руси	63
В Беловежской Пуще	64
Богатырские заставы	66
Покинутые	67
Жертвоприношение	68
Солдатский сон	70
Нежданная война	71
Над бездной	73
Жертва	74
Бог не выдаст	75
7 ноября	77
Набат	79
Власть и мы	80
Разве думал солдат?..	81
Под бомбежкой	82
Кровавый рассвет	84
Стервятники	85
Штурм	86
Прозрение	87
Памятник на Крещатике	88
Парад Победы	90

Завершая век скандальный

К роднику	92
В поисках истины	93
Лавина	95
Восход луны	97
Надежда	98
Последняя песня	99

Во власти ветра	101
Проверка на прочность	102
Клуб	103
На переправе	105
Этапы большого пути	106
Мечта и реальность	107
Последний путь	109
Прости	111
Родная сторона	113
Дорога в рай	115
Мое счастье в России	116
Чтоб так и было	118

Яблоко раздора

Был год быка	120
«Благодетели»	121
Плоды приватизации	123
Курс без леченья	125
Делить так делить	127
Вопрос ребром	129
Ох, эта смутная пора	131
Декларация о доходах Президента РФ	132
Родственные души	134
Похоть	136
Пикник на троих	138
Не помрем, так будем жить	140
Золотой песок	142
Стабилизация	143
Лошадь и реформатор	145
Ночлег	146
День смеха	148
Даешь идею	149
Улитка	151
К 850-летию Москвы	152
У билетной кассы	153
Отпуск	154
Друзьям-поэтам	155
Кукушка	157
О'Би рация, или О'Би	159
Яблоко раздора	160
Петушок	161
Цена программы	162

Васильки у шахтных стволов

Как же мне не писать о шахтерах	164
Цена дешевого угля	165
Трудный вопрос	166
Урок для простаков	168
Застольная	169
За нас, шахтеры!	170
Опять бастуем	172
Шахтерская судьба	173
«Как будто не война. Не слышно канонады...»	174

Во имя ваше

Памяти В. Пушкарева	176
В. Пушкареву	177
Внук Сашка	178
Новогоднее пожелание	179
Внук пришел в гости	180
Леониду Торгаеву	182
Памятные дни	184
Внуку Максимке	185
Счастье	186
Тост за тебя	188
Тайна	189
В. Ободзинскому	190

Поэма

Белово	192
------------------	-----

Александр Иванович Курицын

Стихотворения

Литературно-художественное издание

**Ответственный и художественный редактор
издания Щелканов В. П.**

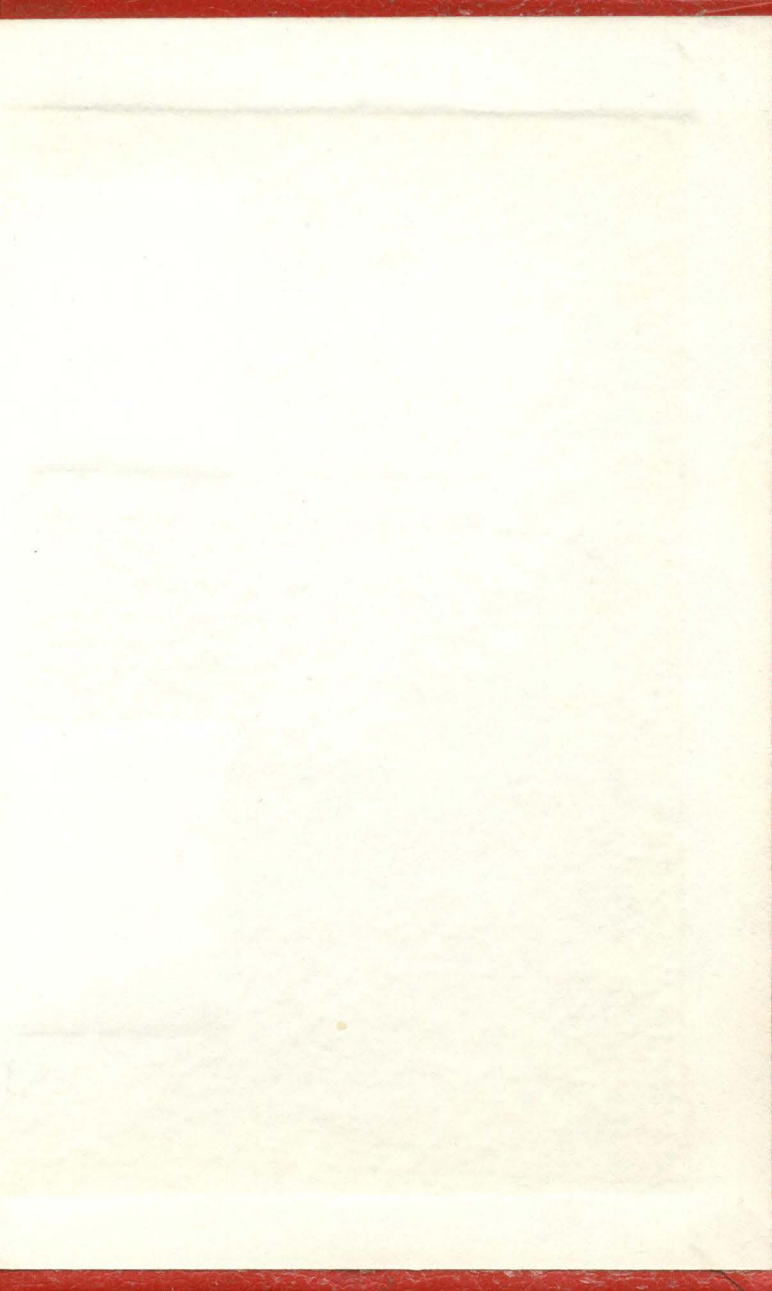
Технический редактор Кипреев В. М.

Корректор Илья Преображенцев

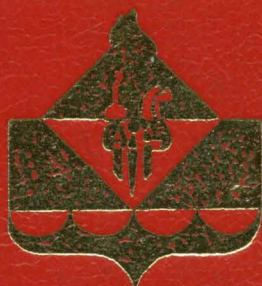
Под литературной редакцией автора

Сдано в набор 16.11.98 г. Подписано к печати
10.12.98 г. Формат 70×90 1/32. Усл. печ. л. 7,48.
Гарнитура Литературная. Печать высокая. Бума-
га писчая № 1. Тираж 1000 экз. Заказ 2186. От-
печатано в типографии УВД. 650020, г. Кемерово,
ул. Н. Островского 17

0000
30 1/2

БЕЛОВО

60 ЛЕТ